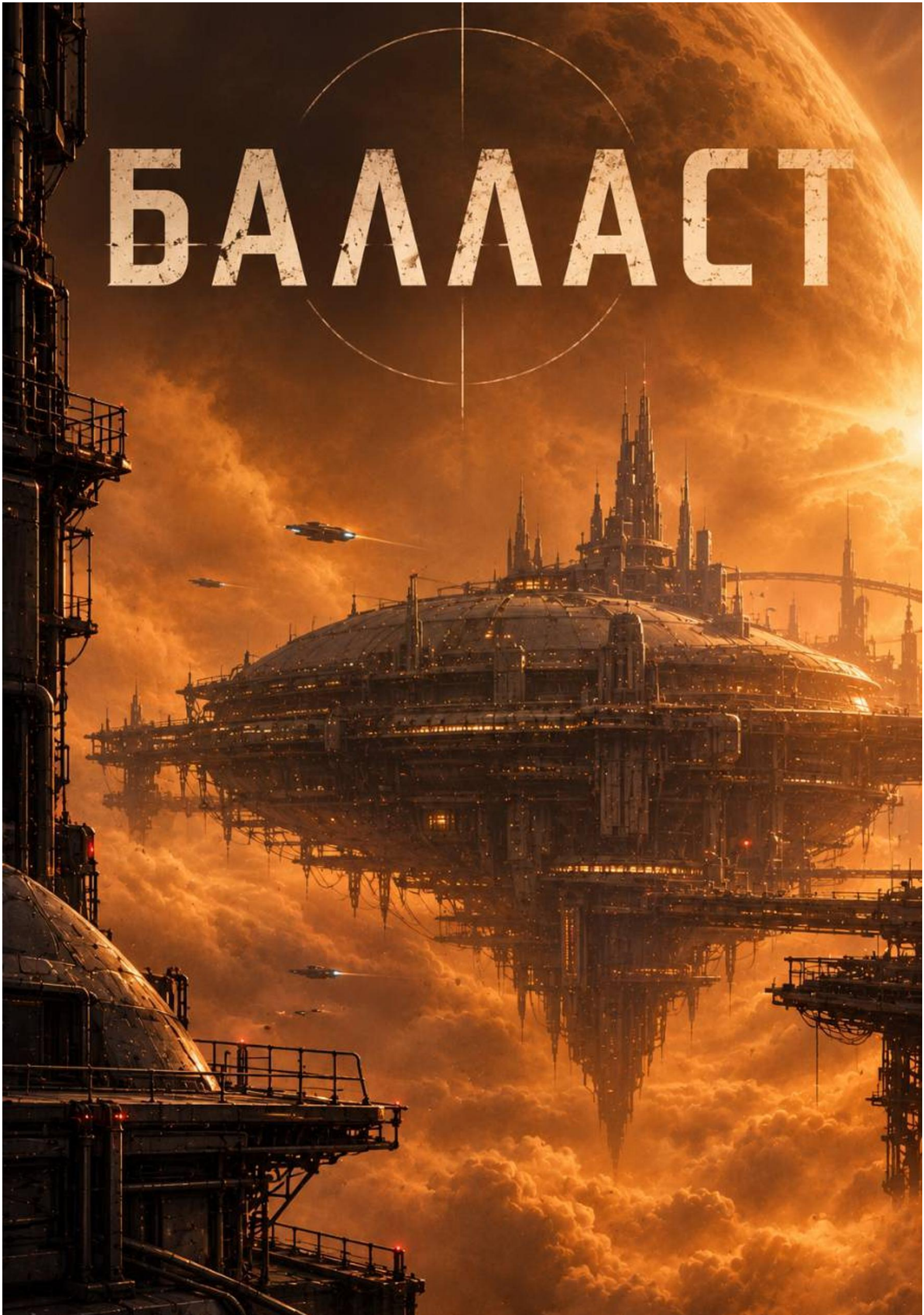

БАЛЛАСТ

Дмитрий Минаков

Балласт

«Автор»
2026

Минаков Д. А.

Балласт / Д. А. Минаков — «Автор», 2026

Девять тысяч человек живут высоко над поверхностью Венеры — в городе, затерянном среди густых ядовитых облаков. Внизу — раскалённая планета, наверху — бесконечная борьба за жизнь. Здесь нет места случайностям: каждый литр воды, каждый грамм еды и каждый вдох имеют свою цену. Металлическая оболочка города постепенно изнашивается под воздействием агрессивной атмосферы, и каждый день кому-то приходится выходить за её пределы, чтобы город продолжал держаться.Но даже на высоте, среди облаков, от которых людей отделяют лишь тонны металла, общество не смогло оставить старые порядки. Дэниел Хейз — обычный ремонтник, привыкший доверять цифрам, фактам и собственным наблюдениям. Он не стремится к власти и не мечтает изменить мир. Его работа проще: следить за тем, чтобы город не развалился.В городе, где любая ошибка может стоить тысяч жизней, даже небольшой вопрос способен нарушить хрупкое равновесие.Ведь иногда удержать город на плаву оказывается куда сложнее, чем построить его.

© Минаков Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 31
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Дмитрий Минаков
Балласт

Глава 1

Город просыпался раньше людей.

Сначала в стенах начинали гудеть насосы, и этот гул шёл по жилому кольцу. Потом в вентиляции щёлкали заслонки, и тёплый воздух, пахнущий резиной и слабой кислинкой, выдавливал из коридоров ночной холод. Только после этого, ровно за двадцать минут до подъёма, звенела сирена.

Жизнь города шла тремя сменами, и колокол, который отмерял их, слышали везде: в мастерских, на фермах, в столовых, в жилых кольцах. Утренняя уходила на работу, дневная только просыпалась, ночная возвращалась и падала на полки, не сняв рабочих ботинок. В коридорах эти три потока пересекались, и каждый узнавал соседа по походке: уходящий шёл быстро и молча, возвращающийся медленно, не поднимая глаз. Никто здесь не жил отдельно от других. Любой шум в жилом кольце слышали сразу три смены.

Дэниел открыл глаза за минуту до неё. Тридцать один год привычки. Над ним, в полуметре, нависал потолок спального модуля с жёлтым пятном в углу, где конденсат когда-то нашёл дорогу в обшивку. Пятно было старше Дэниела в этом модуле. Он знал его до малейшего изгиба.

Он лежал ещё несколько секунд, слушая, как город поднимает людей. Где-то за стеной хлопнула дверь, в соседнем модуле заплакал ребёнок, и кто-то сердито шикнул на него сквозь тонкую перегородку. Стены здесь не хранили секретов: утром все знали, кто как спал, у кого болит спина и кто опять не вернулся ночевать.

На его полке было немного вещей. Узкая подушка с вытертым чехлом, одеяло из серой синтетики, которое грело ровно настолько, чтобы не замёрзнуть, и маленький магнитный держатель на стене с карточкой смен. Рядом кто-то давным-давно приклеил выцветший снимок: зелёное поле и человек с собакой. Дэниел не знал, чей он и откуда. Снимок достался ему вместе с полкой, и убирать его никто не решался.

Умывальня находилась в конце коридора, и к ней уже вытянулась очередь. Вода шла по таймеру: девяносто секунд на человека, по счётчику на запястье. Дэниел давно научился укладываться. Намылить лицо и шею, смыть, пока не щёлкнуло, и успеть вытереться жёстким полотенцем, которое никогда не высыхало до конца. Воздух над раковинами пах не мылом, а хлоркой, которой воду обеззараживали.

Перед выходом он сверил карточку смен. До выходного оставалось четыре дня. Он сам не заметил, когда начал считать дни именно так: не до праздника и не до отпуска, а до дня, когда можно проспать до восьми.

Модуль на четверых. Четыре полки в два яруса, четыре узких шкафчика, один общий стол, прикрученный к полу. Внизу храпел Осип из мастерских. Напротив спала пожилая женщина с гидропоники, которая вставала на смену позже и потому ненавидела их всех за шум по утрам. Дэниел спустился тихо, нащупал ботинки и вышел в коридор, не потревожив никого.

Коридор жилого кольца тянулся изогнутой дугой, а стены были тусклого зелёного цвета. Под потолком шла световая полоса, слегка мигавшая. Каждые двадцать шагов на стене висела табличка с номером сектора и счётчиком: Воздух: 98. Давление: норма. Дэниел всегда читал её, проходя мимо, и никогда не задумывался зачем. Просто привычка.

Мимо него шли люди. В этот час коридор принадлежал рабочим: ремонтникам в серых комбинезонах, техникам из мастерских с сумками, пахнущими маслом, женщинам из прачеч-

ной с тележками мокрого белья. Все двигались молча, экономя силы. Разговаривать до завтрака никто не любил.

На стенах висели плакаты, выцветшие и не раз подклеенные: Город держится, пока держимся мы и ниже, мелкими буквами, Сообщай о каждой трещине. Дэниел не помнил, чтобы кто-то хоть раз остановился их прочитать.

У поворота к центральному кольцу стоял лифт с блестящими створками и охранником в светлой форме. Дэниел ни разу не видел, чтобы кто-то из его знакомых им пользовался. Лифт просто был, как были потолок и пол, и никому не приходило в голову спрашивать, куда он ведёт.

В столовой было людно и тесно. Длинные столы, липкие от чьих-то локтей, очередь к окну раздачи, пар, запах дрожжевого супа и подгоревшей крупы. Дэниел получил свою порцию: миска густой похлёбки, ломоть плотного серого хлеба, кружка тёплого напитка, который все называли чаем из вежливости. Он ел стоя у стены, потому что сидячие места к этому часу занимали люди с ночной смены, и смотрел, как они едят: медленно, с закрытыми глазами, как едят те, кто слишком устал, чтобы вкус имел значение.

— Опять ночью гул был, — пробормотал Рафаэль, подходя с миской. Он работал в мастерских, где плавили и прессовали всё, что ещё можно было пустить в дело, и от него всегда пахло горячей смолой. — Сказали, на пятом кольце просело давление. Меня подняли в три. Заплатки резать.

— Сегодня опять в ночную?

— В ночную. — Рафаэль зевнул так, что хрустнула челюсть. — Вторую неделю без выходного. Говорят, людей не хватает.

Людей не хватало всегда. Дэниел слышал это слово так часто, что оно перестало что-то значить. Не хватало рук на оболочке, деталей на складе, времени, чтобы всё успеть. Город не жаловался и не просил, он разрушался с той скоростью, с какой его успевали чинить, и каждый знал свою часть этой работы.

Когда Рафаэль ушёл, у соседнего окна раздачи Дэниел увидел Марию Сото. Она стояла с пустым подносом, будто забыла, зачем пришла, и смотрела на него поверх чужих голов. Он знал её давно: санитарка из изолятора, спокойная и упрямая, из тех, кто всегда делает чуть больше, чем положено. Они познакомились, когда Дэниела после неудачного выхода привезли к ним с обожжённой рукой.

— Ты с ночной? — спросил он, подойдя.

— Сутки уже. — Мария потёрла глаза. Под ними лежали тёмные полосы, и лицо казалось старше её тридцати. — Нас всего двое на изолятор, вторая заболела.

— Там много народу?

— Не много. Но один не спит. — Она помолчала, подбирая слова. — Я с ним три часа просидела. Он всё спрашивал, который час. Не какой день, а именно который час. Я спросила, зачем. Он сказал, хочет знать, сколько ему ещё ждать.

Дэниел понял, о ком она говорит. Все понимали. Приговорённых держали в изоляторе до церемонии, и в столовой об этом знали раньше, чем вывешивали объявление.

— Он что-нибудь рассказывал?

— Что невиновен. — Мария пожала плечами, как будто это слово ничего не значило. — Они все так говорят. Но этот не кричал. Просто повторял, спокойно, как заученное.

Она взяла поднос, поправила волосы и ушла к раздаче, не попрощавшись. А Дэниел ещё несколько секунд стоял и смотрел ей вслед, сам не понимая, почему последняя фраза не выходит у него из головы.

— Ковш, — сказал кто-то рядом. Это было его прозвище, ещё с ученичества: Хейз превратился в «Ковш» за привычку носить с собой инструмент в самодельной сумке. — Слышал, четырнадцатый опять потёк?

Подошёл Тобиас, бригадир его звена, широкий, с лицом, обожжённым ультрафиолетом так давно, что кожа на скулах стала глянцевой. Тобиас никогда не здоровался первым. Он просто начинал разговор с середины, как будто вы уже беседовали.

Они работали вместе девять лет. Тобиас пришёл в звено, когда Дэниелу было двадцать два, и в первую же неделю спас его от падения: успел перехватить трос, когда у Дэниела сорвалась скоба. Потом ни разу об этом не напомнил и благодарности не требовал. Просто с тех пор между ними установилось то молчаливое доверие, которое бывает только у людей, державших друг друга над пропастью.

— Шов четырнадцать-С, — кивнул Дэниел. — Вчера смотрел. Не потёк, а просто пошёл рябью.

— Рябь, потёк. — Тобиас пожал плечами. — Сегодня идём туда вдвоём. Верхняя ферма требует, чтобы к концу недели закрыли. Говорят, у них давление гуляет.

Дэниел промолчал. Он давно заметил, что на верхней ферме давление «гуляло» всякий раз, когда нужно было срочно что-то починить, и никогда, когда нужно было чинить что-то у них.

Он отогнал эту мысль. Мысли такого рода на оболочке были лишними.

Путь к ремонтному сектору лежал через мастерские. Здесь воздух был плотнее и теплее, пахло горячим металлом и смолой, и из-за приоткрытых дверей доносились ровный стук молотков и визг пил. Люди в кожаных фартуках резали, гнули и сваривали всё, что ещё могло послужить: куски старых панелей, обрезки труб, мятые бачки из-под герметика. Ничего здесь не выбрасывали. Однажды Дэниел видел, как из сломанной кастрюли сделали деталь для насоса, и никто даже не удивился.

Диспетчерская ремонтного сектора помещалась в бывшей кладовой, и это чувствовалось: узкая, без окон, с единственной лампой над столом и огромным экраном на стене. На экране горел список участков оболочки, раскрашенный в три цвета. Зелёного было мало. Жёлтого больше. Красных строчек Дэниел насчитал шесть, и против каждой стояла отметка: в работе, в очереди, ожидает материалов.

За столом сидел диспетчер Мейер, тощий человек с вечно красными глазами. Бумаги он любил больше экрана и не отрывал от них взгляда.

— Четырнадцать-С, — сказал он, когда они подошли. — Вдвоём. Допуск на шесть часов, потом смена воздуха. Материалы получите у Лены.

— На шесть? — Тобиас нахмурился. — Там работы часов на девять.

— Значит, придётся уложиться. — Мейер наконец поднял глаза, и Дэниел увидел, как он устал. — Звено Грина вернулось с ожогами, второй день без смены. У меня четырнадцать человек на сорок участков. Не я придумал эти цифры.

Никто ему не ответил. Спорить с диспетчером было всё равно что спорить с погодой.

Лена на складе выдала им два бачка герметика, моток троса, ящик скоб и запасной уплотнитель, который Дэниел взял не глядя. Она расписалась в журнале, потом заставила расписаться их и посмотрела на Дэниела дольше, чем нужно.

— Береги себя, Ковш.

— Всегда берегу.

Он не соврал. Беречься было частью работы: плечо, трос, привычка проверять замки дважды. Просто беречь здесь можно было немногое.

Шлюз встречал их запахом, который Дэниел не смог бы описать никому, кто ни разу там не был. Смесь горячего металла, озона и чего-то горького. Здесь всё менялось: потолок становился ниже, стены толще, свет холоднее. Они надевали скафандры у стойки, где висели ряды серых оболочек с потёртыми швами и кривыми заплатками, оставшимися после десятков ремонтов.

В шлюзовой уже толпились другие звенья. Люди надевали скафандры молча, не толкаясь, и тёмный пол был испещрён мокрыми следами прошлой смены. Над дверью горел счётчик: сколько человек находится снаружи и сколько вернулось. Дэниел всегда смотрел на него дольше, чем нужно. Цифры должны были сходиться, и каждый вечер он ждал, что они вдруг не сойдутся.

Свой Дэниел узнавал по плечу. Левый плечевой шарнир заедал, и он давно научился чуть поворачивать корпус, чтобы тот проходил. Нагрудный манометр показывал на три деления меньше, чем должен был, но на это тоже была своя поправка. Уплотнитель на шлеме меняли в третий раз, и новый, зелёный, резко выделялся на фоне старого, серого. Дэниел не жаловался. Все в звене носили такие же. Жаловаться на снаряжение значило признаться в том, что оно не слишком надёжно, а об этом лучше не думать, когда через двадцать минут ты повиснешь на тросе над пропастью.

У соседней стойки возился с креплениями новичок. Дэниел знал его в лицо: Кай, девятнадцать лет, второй месяц в ремонтном секторе. Парень никак не мог застегнуть нагрудный замок, и пальцы у него дрожали.

— Руки согрей, — сказал Дэниел, не оборачиваясь. — Подыши на них, потри. Замок тугой, но не заедает.

Кай благодарно кивнул, потёр ладони и наконец защёлкнул замок.

— Первый выход на третий слой, — пробормотал он. — Говорят, там швы длинные.

— Длинные, — согласился Дэниел. — Но ты не смотри на весь шов. Смотри на тот кусок, что у тебя под рукой. Закрыл его, перешёл к следующему. Так и закончится.

Это был не совет, а единственное, чему его самого научили в первый день. Кай снова кивнул, но по лицу было видно, что страх никуда не делся. Дэниел и не ждал, что он исчезнет. Страх на оболочке был нормальным. Ненормальным было его отсутствие.

— Проверка, — коротко сказал Тобиас.

Они ощупали друг на друге крепления, замки, подачу воздуха. Дэниел постучал по баллону Тобиаса, прислушался к глухому звуку, кивнул. Тобиас проверил его. Ритуал, повторявшийся тысячу раз. На нём держалась не вера, а привычка, а привычка здесь спасала чаще.

Внутренний люк закрылся. Насос вздохнул, воздух ушёл. Загорелась красная лампа. Потом зелёная.

И город раскрылся.

Если бы кто-то из тех, кто никогда не выходил наружу, увидел это, он бы замер. Дэниел видел это тысячу раз, и всё равно что-то каждый раз сжималось у него под рёбрами.

Над ними и под ними лежало небо. Не такое, какое помнили старики с Земли по рассказам, а густое, медленное, жёлтое. Венера никогда не показывала солнце. Она показывала свет: рассеянный, жёлтый, идущий отовсюду сразу, так что тени у предметов получались мягкими и странными. Облака шли длинными складками, перетекали друг в друга, подсвеченные изнутри, и в их толще виднелись тёмные карманы, где крутились вихри серной кислоты.

Снаружи было тихо. Шлемофон ловил только собственное дыхание и редкие щелчки замков, а гул города остался за люком. Эта тишина не успокаивала, а давила: в ней каждый звук казался слишком громким, и Дэниел всегда ловил себя на том, что прислушивается к каждому скрипу троса.

А внизу ничего не было. Вернее, было, но не стоило смотреть. Там, на глубине в десятки километров, лежала поверхность, раскалённая. Дэниел видел её однажды на экране зонда: красное, бугристое, дрожащее марево, и это было совсем не похоже на землю. Он заставил себя не смотреть вниз с тех пор.

Город висел между. Огромный, неровный, собранный из секторов, и каждый сектор был подвешен к общему каркасу и тянулся к гигантскому газовому телу над ним. Оболочка шла выпуклыми серебристо-серыми полосами, и на ней были видны следы тысяч ремонтов: заплаты

разных лет, швы, свежие и старые, потёки жёлтого налёта там, где кислота когда-то добралась до материала. Дэниел знал город не по картам, а на ощупь. Он знал, какой участок держится на третьем слое и вот-вот потребует четвёртого, какой шов вот уже год «потеет», но не пропускает.

Первое поколение, пришедшее сюда с Земли, выбрало этот слой неслучайно. На высоте пятидесяти километров над поверхностью давление и температура были почти земными, а из облаков можно было добывать воду и серу. Город поднимали по частям, секция за секцией, и каждую подвешивали к общему газовому телу, которое с тех пор приходилось постоянно подпитывать. Никто из ныне живущих не помнил самого подъёма. О нём рассказывали в школе короткими лекциями, где слово «жертва» встречалось чаще, чем слово «причина».

Верхние кольца, где вечером горели ровные ряды окон, отсюда выглядели совсем иначе: светлее, чище, с почти нетронутой обшивкой. Ремонтники поднимались туда нечасто, и никто не ждал, что это изменится.

Над ними раскинулись панели энергоблока, огромные синие поля, наклонённые к рассеянному свету. Каждая была размером с жилой модуль, и каждая требовала собственного ухода. Дэниелу ни разу не поручали их чинить. Там работали другие.

Город медленно разрушался. Кислота и жар не останавливались ни на день, а люди могли только закрывать швы быстрее, чем они расходились. Эта работа не заканчивалась никогда.

Сверху, из-за края оболочки, медленно выплыла тень. Дэниел поднял голову. Это был один из кораблей Сектора вылетов, маленький и угловатый, склёпанный из разных частей, с двумя тусклыми огнями на носу. Он возвращался с высоты, и к его борту на сетке были привязаны куски чего-то серого и острого: обломки старой станции или спутника, пойманные за пределами атмосферы.

— Тянут металл, — сказал Тобиас без особого интереса. — Говорят, в этот раз целую секцию словили.

Корабль прошёл над ними так низко, что Дэниел разглядел заклёпки на днище и пятна копоти от входа в атмосферу. Он проводил его взглядом до ангара. Пилоты уходили туда, куда не ходил никто, и возвращались молчаливыми. Они редко разговаривали с ремонтниками, а ремонтники не знали, как с ними говорить. Но каждый кусок металла с тех кораблей рано или поздно становился заплаткой на обшивке, и все это понимали.

— Сорок метров вниз по левому борту, — сказал Тобиас в шлемофон. Голос шёл сквозь треск, будто сквозь вату. — Держись за мной.

Они поползли.

Путь вдоль левого борта занял почти двадцать минут. Они шли по узкой технической дорожке шириной в одну ступню, вдоль которой были проложены направляющие тросы. Внизу, под решётчатым настилом, клубился жёлтый туман. Ветер на этой высоте не бил, а тянул, ровно и неотступно, и тело всё время приходилось слегка наклонять против него.

Иногда ветер усиливался. Тогда по обшивке пробегала дрожь, скафандр отзывался глухим гулом, а вместе с ним гудели кости. В такие моменты они останавливались, цеплялись за скобы и ждали, пока порыв пройдёт. Тобиас считал вслух: «Раз, два, три...» Обычно хватало десяти.

В одном месте дорожка проходила совсем рядом со старой облупленной гондолой для обслуживания, подвешенной на тросах. Дэниел помнил, как три года назад там оборвалось крепление, и гондола повисла на одном тросе вместе с двумя ремонтниками. Их вытащили. Крепление заменили на новое, зелёное, которое тоже уже начало желтеть.

Каждый раз, проходя мимо, Дэниел невольно проверял его взглядом. Просто так, на всякий случай.

Работа на оболочке была медленной и тяжёлой. Тросы вбивались в специальные скобы, страховка крепилась к ним двумя замками, и каждое движение сопровождалось негромким

щелчком. Дэниел ставил руку, подтягивал тело, ставил ногу, переносил вес. Скафандр сопротивлялся, плечо заедало на каждом втором движении, но он давно научился не замечать этого.

Сначала нужно было добраться до шва и расчистить его от налёта. Дэниел работал скребком, снимая слой за слоем жёлтую корку, которая крошилась и уплывала в облака. Потом лазерным ножом зачищали края до чистого материала, наносили праймер и клали заплатку, слой за слоем, три, четыре, иногда пять. Герметик шёл из бачка густой серой массой, и раскатывать его валиком нужно было быстро, пока не схватился на холоде. Одна ошибка, и заплата отойдёт при первой же буре.

Говорили они мало. Тобиас давал короткие указания, Дэниел так же коротко отвечал. Когда нужно было перебраться на новый участок, они переносили скобы, переставляли страховку и перекликались: «Готов», «Держу», «Пошёл». Эти слова они повторяли тысячи раз, и каждое означало одно: можешь на меня положиться.

Иногда в шлемофоне оживал общий канал, и они слышали других: звено с пятого кольца спорило о том, кто неправильно закрепил трос, кто-то просил передать валик, кто-то коротко ругался. Голоса пробивались сквозь треск, обрывались, возвращались. Дэниел любил эти голоса. Они напоминали, что на огромной обшивке города он не один.

Через два часа они сделали перерыв на короткой решётчатой платформе, которая отходила от обшивки. Сделали по глотку воды из трубки в шлеме и молча смотрели, как мимо плывут облака.

— Колени, — вдруг сказал Тобиас, не глядя на него. — Врач говорит, ещё год-два, и вниз по тросу мне нельзя. Переведут в мастерские. Или на склад.

— Не так уж плохо.

— Не плохо. — Тобиас усмехнулся. — Только кто тогда будет делать то, что делаю я?

Дэниел хотел ответить, что найдут кого-нибудь. Но промолчал, потому что знал: не найдут. Молодых в ремонтном секторе становилось всё меньше. Одни уходили в мастерские, где работа была тяжёлой, но не смертельной, другие просто не доживали до тридцати пяти. Из его набора в двадцать четыре человека осталось девять.

К концу первого часа мышцы горели. К концу второго он уже почти не чувствовал рук. Воздух в баллоне пах пластиком и пылью, дыхание обжигало горло. Пот стекал в глаза, и вытереть его было нечем.

Но Дэниел любил это. Не работу, нет. А ощущение, что он делает единственное, что действительно имеет значение. Здесь, на высоте, не было ни Совета, ни пайков, ни очередей, ни чужих голосов. Были он, трос и швы, которые нужно закрыть.

Отец тоже был ремонтником. Дэниел помнил его плохо: широкую спину в сером комбинезоне, запах герметика, большие руки, которые умели чинить всё, от насоса до детской игрушки. Он погиб, когда Дэниелу было двенадцать. Сорвалась скоба на девятом шве, и трос не выдержал рывка. Тело не нашли. Город не возвращал то, что падало вниз.

Потом несколько недель мать молчала, а соседи приносили им хлеб и воду сверх нормы. Дэниел тогда решил, что станет ремонтником. Не из упрямства и не из желания кому-то отомстить. Просто он хотел знать, что скобы, которые держат людей на тросах, закреплены как надо.

— Вот он, — сказал Тобиас.

Шов 14-С тянулся перед ними длинной тёмной полосой на серебристой обшивке. Дэниел подтянулся ближе, опустился на колени и достал сканер.

И почти сразу почувствовал, что что-то не так.

Сначала это было даже не мыслью, а чем-то вроде зуда. Он провёл сканером вдоль шва, глядя на показания, и цифры лежали ровно, как положено. Материал изношен на семь процентов, средний износ для этого участка. Всё чисто. Ничего необычного.

Но глаза видели другое.

Дэниел наклонился ниже, почти касаясь стеклом шлема обшивки. Кислота оставляет следы, и он хорошо знал, как она выглядит. Она разъедает неровно, расползается пятнами, цепляется за грани, оставляет желтоватый налёт и рваные, рыхлые края. Так выглядело всё вокруг.

А здесь края были ровными.

На участке длиной в ладонь верхний слой оболочки был стёрт так аккуратно, будто его срезали. Без налёта, без рыхлости, без цвета. Чистая, гладкая линия. Как будто кто-то провёл по материалу не кислотой, а инструментом.

— Тобиас, — сказал он тихо. — Посмотри.

Тобиас подполз, наклонился. Несколько секунд молчал. Потом сказал, медленнее обычного:

— Это что?

— Не знаю. Это не износ.

— Ковш, — в голосе Тобиаса появилась осторожность, которую Дэниел никогда там не слышал. — Ты уверен, что видишь именно это?

Дэниел провёл сканером ещё раз, потом ещё. Прибор молчал. Прибор говорил, что всё в норме. А глаза продолжали показывать ровную чистую линию, и под ней, там, где слой был стёрт, обнажился следующий, более тёмный, и на нём уже начинал проступать жёлтый налёт.

Кто-то сорвал верхний слой. Совсем недавно, судя по тому, как медленно ещё пошла кислота.

Он достал из подсумка щуп и прижал его к краю среза. Ровно, без заусенцев. Ширина около двух ладоней, длина чуть больше. Дэниел записал цифры на планшет у запястья, сделал три снимка с разных углов и, чуть помедлив, скопировал их ещё в одну папку, не ту, что уходила в общий отчёт.

— Не надо, — сказал Тобиас.

— Это просто фотографии.

— Это просто фотографии, пока кто-то не спросит, зачем они тебе.

Дэниел молча убрал планшет. Мысли шли быстро и неприятно. Если срез сделали руками, то кто и зачем? Выдать поддельный износ за настоящий? Или, наоборот, спрятать настоящий? Он знал, что на оболочку почти никто не выходит без допуска, а допуски выдаёт диспетчерская. Значит, список тех, кто мог здесь быть, существовал. Вопрос был только в том, захочет ли кто-нибудь его показать.

Дэниел вспомнил объявление, которое утром висело у столовой на доске. Короткое, без подписи, набранное крупным шрифтом: Церемония состоится через два дня. Явка обязательна. Он тогда не стал читать дальше, потому что знал, что это означает. Кого-то признали саботажником.

Последнюю церемонию он видел два года назад. Её проводили на нижней площадке центрального кольца, где был устроен широкий люк, закрытый тяжёлой плитой. Людей согнали туда после смены, всех, без исключений, и поставили рядами. Маленьких детей брали на руки, чтобы они видели. Так было принято: считалось, что страх надо передавать дальше.

Человека вывели двое охранников в светлой форме. Он шёл сам, прямо, и даже не пытался вырваться. Кто-то в толпе вскрикнул, и на него сразу зашикали. Раздался колокол, один удар, плита ушла в сторону, и в открывшемся проёме Дэниел увидел только жёлтый свет и ничего больше. Потом люк закрылся.

После этого никто не говорил. Люди расходились молча, как из места, где всем было стыдно. Дэниел долго стоял у стены и считал про себя дыхания, пока руки не перестали дрожать.

По инструкции любое повреждение неизвестного происхождения полагалось сразу докладывать в охрану. Не в диспетчерскую и не бригадиру, а напрямую, с точным указа-

нием места и времени. Эту инструкцию Дэниелу зачитывали в первый день, и он помнил, как инструктор, пожилой мужчина с жёстким голосом, задержался на последнем пункте: Сокрытие повреждения приравнивается к саботажу.

Тогда Дэниел не придал этому значения. Он собирался чинить швы, а не прятать их.

Теперь он понимал, что у него два выхода, и оба плохие. Доложить, и тогда кто-то придёт, начнёт искать виноватых и, возможно, найдёт ближайших: его самого и Тобиаса, единственных, кто был здесь сегодня. Или промолчать, и тогда любой, кто потом заметит срез, спросит, почему они ничего не сказали.

Почему-то вспомнились слова Марии: спокойно, как заученное. Человек, который повторяет, что невиновен, обычно либо лжёт, либо и правда невиновен. Но заученным такое не бывает.

Он посмотрел на ровный срез под своей ладонью.

— Не пиши об этом в отчёте, — сказал Тобиас. Голос был совсем тихим. — Пока не пиши.

Дэниел не ответил. Над ними плыли облака, жёлтые и медленные, и город гудел под ногами. Он ещё держался.

Назад они возвращались молча. Шлюз принял их так же без церемоний, как выпустил: красная лампа, шипение, зелёная. В тамбуре, где со скафандров смывали остатки налёта, Дэниел стоял под струёй жидкости с едким запахом и смотрел, как по стеклу шлема стекают жёлтые потёки. Тобиас снял шлем первым, отвернулся и ушёл в раздевалку, не сказав ни слова.

В раздевалке было тихо. Тобиас сидел на дальней скамье, не снимая подшлемника, и смотрел в пол. Дэниел повесил скафандр на своё место, проверил, как легли швы, и положил планшет в шкафчик. Потом достал его обратно. Подержал в руках. Сунул в карман комбинезона.

— Ты забрал снимки, — сказал Тобиас, не поднимая головы.

Дэниел не ответил.

— Я не спрашиваю, — продолжил тот. — Я просто говорю. Если спросят, шов как шов. Рябь. Обычный износ. Ты ничего не видел.

— Он сорвал слой, Тобиас. Кто-то там был.

— Я знаю, что я видел. — Тобиас поднял глаза, и Дэниел впервые заметил, какие они у него усталые и испуганные. — Я также знаю, что бывает с теми, кто видит такие вещи не вовремя. Ты думаешь, Уорд просто так...

Он оборвал себя на полуслове.

— Что Уорд?

— Ничего. Забудь.

Тобиас встал, сунул подшлемник в шкафчик и вышел, не оглянувшись. Дверь закрылась за ним мягко, почти без звука.

Дорога в жилое кольцо вела через сектор ферм. Дэниел шёл здесь каждый вечер, но всё равно каждый раз замедлял шаг. За длинными стеклянными стенами тянулись ряды гидропонных стеллажей, залитые мягким зелёным светом, и воздух в проходе пах влажной землёй, почти как на Земле, хотя Дэниел знал этот запах только по рассказам. Работники в светлых фартуках аккуратно перекладывали рассаду, и каждое их движение было неторопливым и точным.

Он остановился у стекла. Зелень была такой свежей, что на неё хотелось смотреть долго: салат, фасоль, какая-то мелкая ягода на тонких стеблях. Но на тарелках в столовой он такого не видел уже много месяцев. Хлеб, похлёбка и серая масса из дрожжей. Он давно перестал спрашивать, куда уходит всё остальное. Склады принимали урожай, а что с ним делали дальше, было не его заботой.

Он отвернулся и пошёл дальше. Злиться не хотелось: злость требовала сил, а сил на сегодня у него не осталось.

У входа в столовую он остановился у доски с объявлением и ещё раз его перечитал. Имени там не было. Так делали всегда: имя называли только на церемонии.

Ужин он пропустил. Вместо этого прошёл по жилому кольцу, мимо табличек со счётчиками, мимо лифта с блестящими створками и охранником, и свернул к своему модулю. Рафаэль уже ушёл в ночную, соседка с гидропоники сидела на своей полке и штопала носок. О работе здесь не спрашивали, потому что и так всё было понятно по лицу.

— Ты сегодня поздно, — сказала она, не поднимая головы от носка. Её звали Нора, и за пять лет в одном модуле они поговорили, наверное, раз двадцать.

— Шов тянули.

— Слышала, на церемонию завтра... — она осеклась. — Послезавтра. Говорят, идти всем.

— Объявление видел.

— На фермах сказали, что не явишься, поставят отметку. А с отметкой могут и пайки урезать.

Она наконец подняла глаза. В них не было ни страха, ни злости. Только усталость человека, который привык считать всё, что у него могут отнять.

Дэниел забрался на свою полку, лёг на спину и посмотрел на жёлтое пятно над головой.

Ровный срез не выходил из головы. Не потому, что был страшным, а потому, что был чужим. Всё в этом городе имело причину: износ, кислота, чья-то лень или чья-то усталость. А у этой линии причины не было. У неё был только автор.

Он лежал и слушал город. Насосы гудели ровно, как каждую ночь. Где-то в стене щёлкнула заслонка, кто-то прошёл по коридору, и тишина снова сомкнулась. Дэниел давно привык засыпать под эти звуки. Они значили, что всё работает. Но сегодня он слушал их иначе, настороженно, и поймал себя на том, что ждёт какого-то сбоя, который объяснит всё сразу.

Сбоя не было. Только гул и жёлтое пятно над головой, и два слова, которые он повторял про себя, пока не заснул: два дня.

Глава 2

Дэниел проспал меньше четырёх часов и всё равно проснулся раньше сирены.

Он лежал, глядя в унылый желтоватый потолок, и пытался понять, что решил за ночь. Выходило, что ничего. Он просто гонял по кругу одни и те же доводы, как проверяют замок, который давно закрыт. Доложить значило втянуть Тобиаса и себя. Промолчать значило нарушить правило, о котором инструктор говорил слишком спокойно. Но где-то посреди этих мыслей Дэниел понял главное: срез никуда не денется. Завтра или послезавтра на шов 14-С выйдет другое звено, увидит то же самое, и тогда вопрос «почему вы молчали» зададут обоим.

Это и решило дело.

Он взял положенные девяносто секунд воды, оделся и вышел в коридор раньше обычного. Жилое кольцо ещё стояло полупустым: только дежурные уборщики с тележками да где-то вдали всхлипывал вчерашний ребёнок. На табличке у поворота горела привычная строчка: Воздух: 98. Давление: норма. Дэниел прошёл мимо, даже не взглянув.

Тобиас ждал его у входа в ремонтный сектор. Он стоял, привалившись к стене, без подшлемника, в мятом комбинезоне, и выглядел так, будто не ложился вовсе.

— Ты идёшь в охрану, — сказал он.

— Да.

— Дэниел. — Он редко называл его по имени, и от этого стало неуютно. — Я прошу один раз. Напиши в отчёте, что шов как шов. Закроем его завтра, и никто ничего не...

— Тобиас, мы оба там были. Если кто-то придёт после нас и увидит срез, он спросит, почему мы промолчали. Спросит у обоих.

Бригадир открыл рот и закрыл. Несколько секунд он смотрел на облупленную табличку с номером сектора, потом медленно выдохнул.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет. Я скажу, что осматривал шов один, пока ты страховал. Ты ничего не видел.

— Ты думаешь, это сработает?

— Нет, — честно сказал Дэниел. — Но тогда виноват буду я один.

Тобиас смотрел на него долго. Потом коротко кивнул, и Дэниел впервые за девять лет увидел в этом человеке не бригадира, а просто усталого мужчину, которому страшно за напарника.

Сектор охраны и наблюдения занимал целый участок на втором кольце, и найти его можно было по тишине. В других секторах всегда что-то гудело, стучало, шипело. Здесь стояла ровная плотная тишина, какая бывает в помещениях, где звук считают лишним. Стены были выкрашены в светло-серый, на потолке через равные промежутки висели круглые камеры с красными огоньками, и каждая смотрела чуть в сторону от соседней, так что слепых зон не оставалось.

В приёмной Дэниел назвал своё имя и номер допуска дежурному, молодому парню в светлой форме, и тот, не поднимая головы, указал на скамью. Дэниел сел. Рядом ждали ещё двое: женщина с фермы, прижимавшая к груди папку, и седой техник, которого он знал в лицо. Никто не разговаривал. Через полчаса вызвали техника. Он вышел через десять минут, не глядя ни на кого, и сразу ушёл.

Лейтенант Орсон Рейс принял Дэниела в небольшой комнате без окон, где стояли стол и два стула. Рейсу было лет сорок пять, он был крепкий, с коротко остриженными волосами и усталым лицом человека, привыкшего слушать чужие оправдания. Он не предложил сесть, а просто кивнул на стул, и Дэниел сел.

— Повреждение неизвестного происхождения, — прочитал Рейс с планшета. — Шов 14-С. Расскажите по порядку.

Дэниел рассказал. Про скребок, про сканер, про ровный срез, который не похож на кислотный износ, про налёт, который ещё не успел образоваться. Рассказывал спокойно, цифрами, как привык: ширина, длина, глубина. Рейс слушал, не перебивая, и только один раз что-то отметил на планшете.

— Вы осматривали шов один?

— Бригадир страховал.

— Он видел срез?

— Он был в трёх метрах.

Это была не ложь, но и не вся правда, и Дэниел почувствовал, как слова в горле стали шершавыми. Рейс поднял глаза, посмотрел на него чуть дольше, чем нужно, и снова опустил.

— Снимки.

Дэниел передал планшет. Рейс скопировал файлы, вернул устройство и кивнул. Дэниел сидел очень прямо. Вторая папка осталась на другой карте памяти, в кармане комбинезона, и о ней лейтенант не спрашивал. Дэниел не знал, зачем её сохранил. Знал только, что, пока она с ним, у него остаётся что-то своё.

— Благодарю за сообщение, — сказал Рейс. — Вы поступили правильно. Можете возвращаться к работе. Если понадобитесь, вас вызовут.

— И всё?

— Что вы хотели услышать?

— Я думал... — Дэниел замялся. — Будет ли расследование?

— Оно уже ведётся, — ответил Рейс, и по его лицу невозможно было понять, правда это или формула.

Дэниел вышел. В коридоре он остановился и прислонился к стене. Ладони были влажными. Сердце билось быстрее, чем после спуска по тросу.

Вызов пришёл в полдень.

Он как раз перекусывал в столовой, на ногах, у стены, когда к нему подошёл посыльный: молодой парень в светлой форме, с идеально выглаженным воротником. Он не поздоровался.

— Дэниел Хейз? Вас просят в Совет. В пятнадцать ноль-ноль, третье кольцо. Пропуск будет у лифта.

— Просят?

— Вас ожидают, — повторил посыльный с той вежливостью, которая не оставляет выбора, и ушёл.

Дэниел поставил миску на стол. Аппетит пропал. Он огляделся: Тобиас сидел в дальнем углу и смотрел на него так, будто видел в последний раз. Дэниел поднял руку, показывая, что всё в порядке. Тобиас не ответил.

Оставшееся время он провёл у шлюза, проверяя снаряжение, чтобы чем-то занять руки. В два сорок пять вернулся в жилое кольцо, вымыл лицо и руки за положенные девяносто секунд и пошёл к лифту с блестящими створками.

Охранник у лифта оказался тем же, что и вчера. Он взглянул на пропуск, потом на Дэниела, потом снова на пропуск и молча приложил карточку к панели. Створки разъехались беззвучно.

Внутри всё было таким же, как снаружи: гладкий металл, мягкий свет, ни пятнышка. Дэниел вошёл и встал в центре, стараясь не касаться стен. На комбинезоне ещё остались крошки жёлтого налёта, и ему казалось, что он оставляет их повсюду.

Лифт пошёл вверх без толчка и без звука. Только в ушах слегка давило, и Дэниел сглотнул. Он считал кольца по огонькам над дверью: второе, третье. На третьем створки открылись, и его встретил запах.

Не гарь и не резина. Даже не хлорка. Воздух пах чем-то мягким, сладковатым, почти незнакомым. Дэниел не сразу понял, что это: свежий хлеб, тёплая вода, влажные листья и ещё что-то неуловимое, чистое.

Верхнее кольцо оказалось совсем другим. Коридор был широким, вдвое шире жилого, с высоким потолком и тёплым жёлтым светом, который шёл не из труб, а из панелей, вмонтированных в стены. Стены были обшиты чем-то похожим на дерево, и по ним тянулись ряды маленьких зелёных растений в горшках. На полу лежал мягкий серый ковёр, и шаги тонули в нём без звука.

Дэниел остановился, не решаясь ступить дальше. Он знал, что верхние кольца лучше жилых, но одно дело знать, а другое видеть. Здесь воздух не гудел от насосов. Здесь не было табличек со счётчиками, потому что они были не нужны: никто не следил, сколько воздуха осталось.

Мимо прошла женщина в светлом платье с ребёнком лет шести. Ребёнок жевал что-то красное и круглое, и Дэниел не сразу понял, что это яблоко. Настоящее, с блестящей кожицей. Женщина мельком посмотрела на его серый комбинезон и отвела взгляд с вежливым безразличием, с каким обходят предмет, оставленный на дороге. Ребёнок обернулся, и Дэниел встретился с ним глазами. В них не было ни страха, ни презрения. Только любопытство.

— Дэниел Хейз? — раздался голос слева.

Молодая женщина в сером костюме, с планшетом в руках, стояла в нескольких шагах. Она улыбалась, но улыбка была выверенной, как у человека, который делает это по долгу службы.

— Меня зовут Лиза Мартен, я секретарь советника Кейна. Прошу за мной.

Он пошёл следом по ковру, стараясь ступать тише. За стеклянной стеной слева открылся просторный зал, где за длинными столами сидели люди и что-то обсуждали. Никто не торопился, перед каждым стояла чашка, от которой шёл пар. Дэниел отвёл глаза. Он вдруг поймал себя на том, что стыдится своих ботинок.

Лиза остановилась у высокой двери из светлого дерева, дважды постучала и открыла.

— Советник, господин Хейз.

— Пусть войдёт.

Голос был мягким, негромким, почти домашним. Дэниел сделал шаг вперёд и вошёл.

Кабинет оказался неожиданно небольшим. Дэниел ждал чего-то огромного, с высоким потолком и широким столом, но здесь было по-домашнему тесно: письменный стол, два кресла, шкаф с бумажными папками и, главное, окно. Настоящее окно во всю стену, за которым плыли облака. Те самые, которые Дэниел видел каждый день с другой стороны. Отсюда они казались совсем иными: золотистыми, мягкими, почти красивыми.

— Нравится вид? — спросил человек за столом. — Я до сих пор не могу к нему привыкнуть.

Виктор Кейн был немолод, лет пятидесяти пяти, подтянутый, с коротко стриженными седыми волосами и спокойным лицом. Одет просто: тёмный пиджак без украшений, светлая рубашка. Он поднялся, обошёл стол и протянул руку. Рукопожатие было сухим и крепким.

— Благодарю, что пришли. Садитесь, пожалуйста. Чаю?

Дэниел хотел отказаться, но Кейн уже кивнул секретарю, и через минуту перед ним стояла чашка. Горячая, прозрачно-жёлтая, с запахом, которого он не знал. Он обхватил её ладонями и не решился пить.

— Хорошая работа, — сказал Кейн, садясь в кресло напротив. — Я просмотрел ваше личное дело: девять лет в ремонтном секторе, ни одного нарушения, два благодарственных отзыва. Такие люди сейчас редкость. И вы поступили правильно, доложив о находке. Многие бы промолчали.

— Я просто выполнил инструкцию.

— Именно. А это встречается реже, чем хотелось бы.

Кейн взял со столика свою чашку, сделал глоток и поставил обратно. Движения были неторопливыми, как будто он никуда не спешил и готов был сидеть здесь хоть до вечера.

— Я прочёл ваш отчёт и посмотрел снимки. — Он слегка наклонил голову. — Скажите, как вы сами оцениваете находку? Не как ремонтник по инструкции, а как человек, который хорошо знает оболочку.

Дэниел помолчал. Потом осторожно ответил:

— Срез сделан инструментом. Не кислотой. И он свежий, не старше нескольких дней: налёт ещё не успел образоваться.

— Вы уверены?

— Да.

Кейн кивнул, и в его лице не отразилось ничего: ни удивления, ни тревоги.

— Это совпадает с нашими данными, — сказал он. — Мы давно подозревали, что в городе действует человек, который намеренно повреждает оболочку. Именно за это завтра будет казнён Лео Уорд.

Имя прозвучало так просто, так буднично, что Дэниелу на секунду показалось, будто он ослышался.

— Уорд?

— Вы его знали?

— Виделись. Он был в ремонтном секторе.

— Да. — Кейн слегка кивнул. — Ему вменяется порча оболочки на участке 9-Д. Улики неопровержимы, признание получено. Завтра вы всё увидите сами.

— А срез на 14-С? — спросил Дэниел. Голос прозвучал глуше, чем хотелось. — Он свежий. Если он появился на этой неделе, а Уорд в изоляторе уже больше...

Он замолчал, не договорив. Кейн смотрел на него, и взгляд его не изменился, но стал внимательнее.

— Откуда вы знаете, сколько Уорд находится в изоляторе?

По спине у Дэниела пробежал холод. В комнате как будто стало тише.

— В столовой говорили, — ответил он как можно ровнее. — Слухи ходят.

— Слухи, — повторил Кейн мягко. — Вот этого я как раз не люблю. Слухи всегда опережают приговор, и люди успевают придумать то, чего не было. — Он чуть улыбнулся, будто извиняясь. — Но вы правы в одном. Повреждение на 14-С действительно свежее, и это означает, что у Уорда могли быть сообщники. Именно это сейчас выясняет охрана.

Объяснение было гладким и логичным, и Дэниел не нашёл, что возразить. Он только почувствовал, что где-то внутри что-то не сходится, как неверно закрытая скоба.

— Позвольте объяснить вам, — продолжил Кейн, откинувшись в кресле. — Я понимаю, как это выглядит. Человека казнят, а повреждения продолжаются, и вы справедливо задаёте вопросы. Но поймите: в городе девять тысяч человек. Девять тысяч, которые каждый день дышат воздухом, зависящим от того, держится ли оболочка. Если мы скажем им, что она расходится быстрее, чем мы успеваем чинить, что сделают эти люди?

Он говорил негромко, без нажима, как говорят о давно обдуманном.

— Половина откажется выходить на смену: зачем, если всё равно не успеть? Другая бросится на склады, потому что захочет запасти воду и воздух. Через неделю мы потеряем контроль, а через месяц город упадёт не от кислоты, а от паники. Страх разрушает быстрее любого газа, Дэниел. Я видел это на Земле. Видел, как рушатся города, которым просто перестали верить.

— Значит, вы скрываете...

— Мы управляем тем, как подаётся правда, — поправил Кейн. — Это не одно и то же. Людям нужна уверенность. Нужен порядок. Нужно знать, что кто-то отвечает за всё. И когда

кто-то нарушает этот порядок, пытаясь подорвать веру, мы вынуждены действовать жёстко. Не потому, что нам это нравится.

Он замолчал и посмотрел в окно. Облака плыли золотистые и медленные.

— Я не прошу вас соглашаться, — сказал он тише. — Я прошу вас понять.

Дэниел молчал. Всё, что говорил этот человек, звучало разумно. Страшнее всего было то, что отчасти он был прав: Дэниел сам видел, как ведут себя люди, когда боятся. Но между «отчасти прав» и «правда» лежало расстояние, которое он пока не мог измерить.

— Могу я попросить вас об одном? — Кейн снова повернулся к нему. — До окончания расследования не обсуждайте находку ни с кем. Ни с бригадиром, ни с друзьями. Не потому, что это секрет, а потому, что слухи, как я сказал, опережают факты. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Благодарю. — Кейн встал, и Дэниел поднялся следом. — Лиза передаст вам небольшой знак признательности. Вы его заслужили. И приходите завтра на церемонию. Обязательно. Мне хочется, чтобы вы своими глазами увидели, что происходит с теми, кто разрушает чужую жизнь.

Он протянул руку. Дэниел пожал её. Она была такой же сухой и крепкой.

У двери Дэниел обернулся. Кейн уже сидел за столом и смотрел в окно, и в золотом свете облаков его профиль казался спокойным и немного усталым, как у человека, который давно несёт чужую ношу.

В коридоре Лиза Мартен протянула ему небольшой бумажный свёрток.

— Премиальный паёк, — улыбнулась она. — Благодарим за службу.

Дэниел развернул бумагу уже в лифте. Внутри лежали кусок настоящего белого хлеба, плитка сушёного мяса и яблоко. То самое, красное, блестящее. Он долго смотрел на него, потом осторожно завернул обратно и убрал в карман. Есть не хотелось. Хотелось, чтобы руки перестали дрожать.

Внизу, на втором кольце, воздух снова пах резиной и хлоркой, и от этого запаха ему на секунду стало легче.

В ремонтном секторе Тобиас ждал его у стойки с инструментом, делая вид, что проверяет скобы. Руки двигались вхолостую, и когда Дэниел подошёл, бригадир сразу отложил скобу.

— Ну?

— Благодарили, — ответил Дэниел. — Сказали, что поступил правильно.

— И всё?

Он хотел рассказать про Кейна, про золотые облака, про чай и ковёр, про слова о панике. Но вспомнил просьбу и промолчал. Тобиас смотрел на него, и по лицу было видно, что он всё понял без слов.

— Тебя предупредили, — сказал он тихо. — Чтобы молчал.

— Да.

— И ты будешь?

Дэниел не ответил. Он достал из кармана свёрток и положил на стойку. Бумага развернулась, и в тусклом свете мастерской белый хлеб и красное яблоко выглядели чужими, почти неприличными.

Тобиас долго смотрел на них. Потом коротко, без радости рассмеялся.

— Премия. Теперь ты у них на хорошем счету. Это хуже, чем если бы они тебя ругали.

— Почему?

— Потому что с хорошего счёта спрашивают строже. — Он отодвинул яблоко пальцем, осторожно, как отодвигают что-то хрупкое. — Забери. Отдай кому-нибудь из детей на кольце. Мне оно в горле встанет.

Дэниел завернул паёк обратно. Он знал, что Тобиас прав, и от этого было ещё тяжелее. Бригадир взял скобу, сделал вид, что снова её проверяет, и, не глядя на Дэниела, добавил:

— Иди, куда собирался. Только осторожно.

— Я не говорил, куда.

— С таким лицом домой не идут.

Изолятор находился в дальнем конце второго кольца и снаружи не отличался от обычного жилого сектора: те же серые стены, тот же ряд дверей. Отличались только сами двери: тяжёлые, с узкими окошками на уровне глаз и электронными замками. Дэниел остановился у входа и сказал дежурной санитарке, что ищет Марию Сото. Та глянула на него с подозрением, но пошла звать.

Мария вышла через несколько минут, в светло-зелёном халате, с усталым лицом.

— Дэниел? Что-то случилось?

— Мне нужно с тобой поговорить. Не здесь.

Она посмотрела на него внимательнее. Потом оглянулась на дверь, из-за которой доносились приглушённые голоса, и тихо сказала:

— Через пятнадцать минут смена сменяется. Подожди в коридоре за прачечной.

Он ждал там, у стены, слушая шум воды за перегородкой, и прокручивал в голове разговор с Кейном. Когда Мария появилась, она уже сняла халат и накинула поверх формы серую куртку.

— Говори.

— Приговорённый. Он ещё здесь?

— До завтра. — Мария замерла. — А что?

— Я хочу его увидеть. Хотя бы минуту.

— Это нельзя.

— Я знаю.

Они стояли друг напротив друга. Мария смотрела на него долго, как смотрят на человека, чьи намерения пытаются прочитать по лицу. Потом тяжело вздохнула.

— Через служебный коридор есть смотровое окно. Дежурный охранник сменяется через десять минут, и обычно на это время никого не остаётся. У нас три минуты. Не больше.

— Почему ты соглашаешься?

— Потому что он повторяет одно и то же двенадцать дней подряд. — Мария отвернулась. — И потому что я уже не уверена, что он лжёт.

Коридор для персонала был узким, тускло освещённым и пах лекарствами. Мария шла впереди, быстро и бесшумно, и Дэниел следовал за ней, стараясь не стучать ботинками. У последней двери она остановилась, приложила карточку и приоткрыла её на ширину ладони.

— Окно слева. Три минуты.

Смотровое окно оказалось небольшим стеклянным прямоугольником в стене. За ним была комната, такая же серая, как всё здесь: узкая койка, раковина, ничего лишнего. На койке сидел человек.

Лео Уорду было не больше тридцати пяти. Он был худой, с коротко остриженными тёмными волосами и тонким лицом, на котором залегли тени усталости. Он сидел очень прямо, положив руки на колени, и смотрел перед собой. Когда Дэниел подошёл к стеклу, он повернул голову.

Взгляд был спокойным. Не упрямым и не вызывающим, а просто ровным, как у человека, который давно всё обдумал.

— Хейз, — сказал Уорд. Голос доносился глухо, через динамик у окна. — Ковш. Ты мне должен валик.

— Что?

— Два года назад. Я одолжил тебе валик для герметика на втором слое, ты обещал вернуть. — Уорд слегка улыбнулся одним уголком рта. — Но я не в обиде.

Дэниел не знал, что ответить. Он смутно помнил тот день, чью-то руку, протянувшую ему инструмент, и больше ничего. Человек за стеклом был для него едва знакомым лицом из коридора. И завтра он должен был умереть.

— У меня мало времени, — сказал Дэниел.

— У меня тоже. — Уорд наклонил голову. — Зачем ты пришёл?

— Сегодня на шве 14-С я нашёл срез. Свежий. Не кислота. Сделан инструментом, дня три назад, не больше.

Уорд замер. Несколько секунд он не двигался, только пальцы на коленях едва заметно сжались.

— Три дня назад, — тихо повторил он. — Меня взяли двенадцать дней назад.

— Я знаю.

— Значит, он на свободе. — Уорд медленно выдохнул, и в этом выдохе было что-то, от чего у Дэниела сжалось в груди: не облегчение и не торжество, а усталое подтверждение того, что он знал с самого начала. — Я говорил им. Я просил журнал допусков по девятому шву. Кто выходил на оболочку в те дни, когда там появлялись повреждения. Они сказали, что журнал не относится к делу.

— Журнал допусков?

— Допуски выдаёт диспетчерская, но разрешение подписывает охрана. Любой, кто выходил на девятый, оставил подпись. — Он помолчал. — Кто-то подписал, Хейз. Кто-то, у кого был доступ и причина. Найди его.

— Меня предупредили не обсуждать находку.

— Конечно. — Уорд слегка улыбнулся. — Тебя предупредили.

В коридоре послышались шаги. Мария, стоявшая у входа, сделала знак рукой: время.

— Приходи завтра, — сказал Уорд. Голос чуть дрогнул, но лицо оставалось спокойным. — Не надо ничего делать. Просто приходи. Мне хочется, чтобы хоть кто-то смотрел и знал.

Дэниел хотел сказать что-то ещё, но слова не нашлись. Он поднял руку, коснулся стекла и, сам не понимая зачем, кивнул. Уорд кивнул в ответ.

Потом Мария схватила его за рукав, и они выскользнули в коридор.

За прачечной она остановилась и привалилась к стене. Руки у неё дрожали, и она сжала их в кулаки.

— Он спросил про валик, — тихо сказала она. — Двенадцать дней говорит только одно: что невиновен. А ты пришёл, и он вспомнил про валик. Знаешь почему?

— Нет.

— Потому что ему хотелось поговорить о чём-то обычном. Хоть минуту. — Она вытерла глаза тыльной стороной ладони, сердито, будто злилась на себя. — Не говори мне, что делать с тем, что ты нашёл. Я не хочу знать. Просто будь осторожен.

— Мария...

— Иди. — Она оттолкнулась от стены. — Завтра мне стоять рядом с ним до самого конца. Это тоже работа.

Дэниел хотел что-то сказать, но она уже ушла, не оглянувшись.

В модуле было пусто: Рафаэль ушёл в ночную, соседка с гидропоники ещё не вернулась. Дэниел залез на полку, достал карту памяти, о которой лейтенант не спрашивал, и вставил в планшет. Снимки открывались один за другим: ровный срез, чистые края, угол, под которым шла линия.

Он увеличил изображение. Линия шла чуть наискось, слева направо, под одним и тем же углом на всей длине. Значит, не поломка механизма и не случайность. Рука.

Он пролистал снимки и остановился на последнем. У самого края среза, едва заметно, виднелся другой след: небольшая выемка, словно кто-то упёр инструмент в оболочку, пытаясь удержать равновесие.

Дэниел долго смотрел на неё. Потом выключил планшет и лёг, глядя на жёлтое пятно над головой. До церемонии оставалось меньше суток.

Утро началось не с сирены, а с колокола. Один удар, низкий и гулкий, разнёсся по жилому кольцу в семь, на час раньше обычного. Дэниел открыл глаза и несколько секунд лежал, не двигаясь. Потом встал.

В коридоре уже стояли люди. Они выходили из модулей молча, одетые не в рабочие комбинезоны, а в чистую одежду, которую хранили для таких случаев, и от этого коридор казался непривычно светлым и очень тихим. Рафаэль появился рядом, бледный, с красными глазами после ночной смены, и просто кивнул. Нора вышла из соседнего модуля с мокрыми волосами, торопливо вытирая руки о платье.

Их вели не охранники, а просто течение толпы, и Дэниел заметил, что никто не пытается идти медленнее. Все шли ровно, в одном темпе, как идут на смену, только без привычной усталости. У входа на площадку стояли двое в светлой форме с планшетами, и каждый проходящий называл фамилию и сектор. Дэниел назвал свою. Охранник кивнул и поставил отметку, не поднимая глаз.

На церемонию собрался весь город.

Дэниел не помнил, чтобы когда-нибудь видел столько людей в одном месте. Нижняя площадка центрального кольца была забита до отказа: плечо к плечу стояли рабочие смены, женщины с ферм, мастера из мастерских, техники, санитары, дежурные из столовых. Людей выстроили рядами, как всегда: сектор за сектором, и охранники в светлой форме медленно шли вдоль строя, сверяя списки. Среди них Дэниел разглядел лейтенанта Рейса. Тот смотрел поверх голов и не заметил его или сделал вид. Дети сидели на плечах у отцов или стояли впереди, прижатые к ограждению.

В центре площадки был тот самый люк, закрытый тяжёлой серой плитой. Над ним возвышался помост, а справа, выше, на отдельной галерее, стояли члены Совета в тёмных пиджаках. Они смотрели вниз спокойно, как смотрят на репетицию.

Дэниел стоял в третьем ряду ремонтного сектора. Слева от него Тобиас, справа Нора, которую другие подтолкнули к ним. Рафаэль где-то позади. Никто не разговаривал.

Ровно в десять ударил колокол. Один удар, низкий и гулкий, прокатился над толпой. Шум стих мгновенно.

На помост вышел человек, и Дэниел узнал Кейна. Он стоял прямо, без бумаг, и его негромкий голос разнёсся над площадкой благодаря динамикам, расставленным по углам.

— Граждане, — сказал он. — Мы собрались здесь не потому, что нам это нравится. Мы собрались потому, что город дышит. Он дышит благодаря каждому из вас, и каждый, кто пытается его задушить, платит за это ценой, которую мы все считаем справедливой.

Он помолчал.

— Лео Уорд, ремонтный сектор, признан виновным в умышленной порче оболочки на участке 9-Д. По решению Совета он приговорён к высшей мере. Приговор будет приведён в исполнение немедленно.

Из боковых дверей вывели человека. Он был в простой серой рубахе, без обуви, и охранники по бокам не держали его за руки: он шёл сам, прямо, как ходят люди, которые что-то приняли раз и навсегда. Рядом, чуть позади, в зелёном халате шла Мария Сото. Она смотрела в пол.

Дэниел видел, как толпа расступалась перед Уордом. Как кто-то в первом ряду опустил глаза. Как женщина слева закрыла лицо ладонью.

Уорд поднялся на помост. Охранники остановились. Он стоял над люком, и в его позе не было ни дерзости, ни страха, одно усталое достоинство. Взгляд медленно скользнул по рядам и на мгновение остановился на лице Дэниела. Тот не отвёл глаз.

На галерее кто-то шевельнулся. Дэниел поднял голову и увидел, что Кейн смотрит не на помост, а на него. Взгляд был коротким, спокойным, и сразу ушёл в сторону. Но Дэниел успел его заметить.

— Я не... — начал Уорд.

Колокол ударил второй раз, коротко и резко, заглушив слова. Охранники шагнули вперёд.

Плита ушла в сторону. Дэниел не отвёл взгляда, как не отвёл его два года назад, и увидел жёлтый свет, густой и мерцающий, и тёмную фигуру на его фоне. Потом свет поглотил её.

Плита вернулась на место. Люк закрылся.

Тишина продолжалась так долго, что Дэниел услышал собственное дыхание. Потом кто-то всхлипнул, и всхлипы пошли по рядам, тихие, сдавленные, словно люди боялись, что их услышат. Нора стояла неподвижно, и по её щекам текли слёзы, а лицо оставалось неподвижным.

Дэниел почувствовал, что кто-то стоит слишком близко за его спиной. Он обернулся.

Женщина лет тридцати пяти, в серой рабочей куртке, с тёмными волосами, стянутыми в узел, смотрела не на люк. Она смотрела вверх, на галерею, где стояли члены Совета. Лицо её не выражало ни горя, ни страха. Она смотрела спокойно, внимательно, запоминая каждое лицо.

— Ещё одного нашего, — негромко сказала она, и слова предназначались не ему, а стоявшему рядом рабочему. Тот кивнул, не поворачивая головы. — Запомните это.

Потом женщина повернулась и пошла прочь, раздвигая людей плечом, легко и уверенно, как человек, знающий, куда идёт. Дэниел проводил её взглядом. Он не знал её имени. Знал только, что запомнит это лицо.

Через головы он увидел Марию. Она стояла у края площадки рядом с двумя санитарами и носилками, которые так и остались пустыми. Она тоже смотрела на закрытый люк. Потом, словно почувствовав его взгляд, повернула голову. Их глаза встретились. Она едва заметно покачала головой: не подходи.

Толпа начала расходиться. Тобиас стоял рядом, бледный, и Дэниел впервые не отвёл взгляд.

— Теперь понимаешь, почему я просил молчать?

— Теперь понимаю другое, — тихо сказал Дэниел.

— Что?

Он не ответил. Он смотрел на закрытый люк, и мысль, которая крутилась в голове с самого утра, наконец сложилась ясно, как складывается шов, когда последняя скоба встаёт на место.

Срез на 14-С появился три дня назад. Уорд был в изоляторе двенадцать.

Человека казнили за то, что продолжалось и после того, как его заперли.

Глава 3

Утро после церемонии выглядело так же, как все остальные. Это было самое страшное.

Сирена прозвучала в то же время, гул насосов стих в то же мгновение, и табличка у поворота показывала то же самое: Воздух: 98. Давление: норма. Люди выходили в коридор, пили воду из умывальни, стояли в очереди в столовую. Кто-то кашлял, кто-то зевал. Если бы Дэниел не видел вчерашнего, он решил бы, что вчерашнего не было.

Но разница была, и жила она в мелочах. Люди не смотрели друг другу в глаза, а смотрели чуть в сторону, как смотрят на тех, с кем вместе пережили что-то, о чём не говорят. Разговоры стихали, когда мимо проходил охранник в светлой форме. Дети, которых вчера держали на руках у ограждения, были непривычно тихими и держались за рукава взрослых.

По дороге в столовую Дэниел прошёл мимо нижней площадки центрального кольца. Помост уже разобрали, плита на люке лежала на своём месте, серая и ровная. Женщина в рабочем фартуке мыла пол вокруг неё щёткой и тряпкой, неторопливо, ровными движениями, хотя мыть там было нечего. Она ни разу не подняла головы. Дэниел постоял секунду и пошёл дальше.

В столовой Рафаэль подсел к нему с миской и, не поднимая головы, пробормотал:

— Говорят, он до конца держался. Ничего не просил.

— Говорят много.

— Ты там стоял близко. — Рафаэль наконец поднял глаза. — Что он сказал?

— Ничего. Не успел.

Рафаэль кивнул и некоторое время молчал, водя ложкой по серой похлёбке.

— Мне вчера Грин сказал, что Уорд раньше был в его звене, — произнёс он тихо. — Три года. Лучший по швам, говорит, во всём секторе. — Он помолчал. — Странно, да? Лучший по швам. И вдруг саботажник.

Дэниел ничего не ответил. Он смотрел в миску и думал, что слово «странно» слишком мягкое для того, что он знает.

Тобиас в столовую не пришёл. На ремонтном участке бригадир встретил его у стойки с инструментом, не глядя в глаза, и протянул планшет с заданием.

— Сегодня идёшь в мастерские. Принимать партию герметика. Один.

— Один? Мы же...

— Один. — Тобиас по-прежнему смотрел в сторону. — Шов 14-С закрыла бригада Фрэнка ещё вчера. Тебе там делать нечего. И на оболочку пока не выходи. Пару дней.

Это не было ни наказанием, ни заботой. Это было что-то третье: Тобиас убирал его с глаз. Дэниел взял планшет. Он хотел спросить про Уорда, про оборванную фразу в раздевалке, но слова застряли в горле, как скоба в неправильном пазу. Бригадир заговорил сам, коротко и тихо:

— Я не знаю, что ты ищешь, Дэниел. Но если найдёшь, не говори мне. Я не хочу знать.

— Тобиас...

— Иди.

Дэниел пошёл. Но по дороге понял, что бригадир, сам того не желая, дал ему то, чего у него не было: пропуск на весь день и законный повод ходить по секторам с планшетом в руках.

Партия герметика пришла в мастерские только к десяти. Дэниел пересчитал бачки, расписался в накладной и передал их Лене на склад. Она отметила его подпись и кивнула без слов. Он ещё минуту постоял у стойки, делая вид, что сверяет записи, а потом, не давая себе времени передумать, пошёл в диспетчерскую.

Там почти ничего не изменилось. Узкая кладовая без окон, единственная лампа над столом, огромный экран на стене. Красных строчек было семь вместо шести. Дэниел отметил это про себя и не стал выяснять, какая из них новая.

Мейер сидел над бумагами. Он поднял голову, увидел Дэниела и на секунду застыл, будто ждал кого-то другого.

— Хейз. Что-то с герметиком?

— Герметик в порядке. Я по другому делу.

Диспетчер отложил ручку. Красные глаза смотрели на него устало и настороженно.

— Если по четырнадцатому, то шов закрыт. Фрэнк вчера...

— Не по четырнадцатому. По девятому.

Мейер ничего не сказал, но Дэниел заметил, как его рука медленно потянулась к краю стола и сжала его.

— Закрой дверь.

Дэниел закрыл. В кладовой стало теснее и тише. Слышно было только, как в стене негромко гудит вентиляция.

— Зачем тебе девятый? — спросил Мейер.

— Хочу посмотреть допуски за последние два месяца. Кто выходил на участок, когда и по чьему разрешению.

— Зачем?

— Потому что вчера казнили человека за повреждения на девятом. — Дэниел старался говорить ровно. — А на 14-С я нашёл свежий срез, которого он сделать не мог.

Мейер долго смотрел на него. Потом тяжело выдохнул, откинулся на спинку стула и потёр лицо ладонями. Когда он их опустил, лицо стало как будто старше.

— Вчера утром, до церемонии, ко мне приходил человек из охраны, — сказал он. — Попросил копию журнала допусков по девятому. Я дал электронную. Он забрал весь архив на проверку. С тех пор экран показывает только текущие допуски.

— Значит, всё стёрли?

— Не стёрли. Забрали. — Мейер криво усмехнулся. — Только они забыли одну вещь.

Он наклонился, выдвинул нижний ящик стола и достал толстую тетрадь в тёмно-зелёной обложке, потёртую по краям. Положил её на столешницу между ними.

— Я не доверяю экранам, Хейз. Двадцать лет назад экран показал мне, что давление в третьем кольце в норме, а потом мы три дня латали пробоину. С тех пор я всё записываю руками. Каждый допуск, каждую смену, каждую подпись. Дубль, на всякий случай. Охрана об этом не знает. — Он замолчал, потом добавил тише: — Никто не знает.

Дэниел смотрел на тетрадь. Страницы были исписаны мелким аккуратным почерком: столбцы чисел и фамилий, даты, отметки.

— Почему вы показываете это мне?

— Потому что вчера я стоял в толпе, — сказал Мейер, — и смотрел, как человека, которого я знал три года, сбрасывают вниз. Он приносил мне чай, когда я сидел тут ночами. Лучший по швам был, между прочим. — Он замолчал, провёл рукой по обложке. — А потом всю ночь думал, что, если бы я открыл эту тетрадь раньше, может, и не понадобилось бы. Смотри. Но я тебе её не давал. Ты нашёл её сам.

Они устроились за столом, и Мейер молча придвинул лампу. Дэниел раскрыл тетрадь на нужной странице. Записи за два месяца по участку 9-Д шли столбцами: дата, время выхода, время возвращения, номера допусков, фамилии, подпись охранного поста. Он провёл пальцем по первой неделе. Всё было привычным: звенья ремонтников выходили днём, закрывали швы, возвращались. Раз в две недели, по средам, в списке появлялась строка, которая не относилась к ремонту: Техническая комиссия. Три человека. 40 мин.

— Это кто? — спросил Дэниел.

— Совет присылает. Проверяют состояние оболочки, меряют износ. На девятый ходят всегда первыми. — Мейер пожал плечами. — Как будто там самое важное.

Дэниел запомнил. Он листал дальше, и страницы шли ровно, одинаково, пока взгляд не зацепился за что-то странное. Он вернулся на страницу назад.

Ночные выходы. Короткие, от трёх до половины пятого утра, всё на тот же участок 9-Д. Против каждого стояли фамилия и номер допуска, а подпись поста везде была одинаковой, чёткой, с круглым росчерком.

— Это что? — спросил он и показал пальцем.

Мейер наклонился, прищурился и ничего не сказал. Дэниел продолжил считать. Ночных выходов за два месяца набралось девять. Пять из них шли под одним допуском: У-417, Л. Уорд. Два под другим: У-209, Г. Ларсен. И два под третьим, у которого поле фамилии было пустым. Стоял только номер: У-366.

— Уорд в эти ночи работал? — спросил он.

— Нет, — ответил Мейер, и голос его стал глухим. — Я проверил ещё вчера, когда принёс тетрадь домой. В эти даты Уорд был записан в мастерских, на втором ярусе, в ночной. Я сам ставил отметки, они тут же, на соседних страницах. Он физически не мог быть на девятом.

— Но допуск оформлен.

— Оформлен. — Мейер потёр висок. — Ночные допуски приходят ко мне уже готовыми. Из охраны, с особой отметкой. Мне присылают номер и фамилию, я записываю в журнал. Так положено. Я не проверяю, зачем и кому.

— Значит, печать охраны стояла.

— Значит, стояла. — Он помолчал. — Значит, кто-то в охране её поставил.

Дэниел вернулся к строкам с Ларсеном и ткнул в них пальцем.

— А этот?

Мейер долго смотрел на фамилию. Потом заговорил тихо, как говорят о том, о чём не хочется помнить.

— Георг Ларсен. Ремонтник, сорок пять лет. Умер в изоляторе в начале прошлого года. Лёгкие. Я сам закрывал его карточку и подписывал акт.

— Но его допуск использовали два раза за последние два месяца.

— Я вижу, Хейз. — Мейер откинулся на спинку стула. — Я тоже умею читать.

Некоторое время они молчали. Дэниел достал планшет, выбрал нужные страницы и стал по одной фотографировать. Щелчок камеры казался оглушительным в тесной кладовой.

Потом он отметил то, что не сразу бросилось в глаза. Все девять ночных выходов лежали в одном промежутке: первый около двух месяцев назад, последний за одну ночь до ареста Уорда. После этого на девятом участке ночью не появлялся никто. Ни под его допуском, ни под чужим.

— Они перестали ходить на девятый, — сказал Дэниел вслух, — как только у них появился виновный.

Мейер ничего не ответил. Он смотрел на свои руки, лежащие на тетради, и они чуть заметно дрожали.

— Я двадцать лет записываю то, что мне присылают, — сказал он наконец. — Думал, это значит, что я ни при чём. Что я просто пишу.

— Вы записали правду. Кто-то другой её подменил.

— Это то же самое, Хейз. Это то же самое. — Мейер закрыл тетрадь, но руку с неё не убрал. — Когда закончишь, уходи. Если спросят, ты ко мне приходил из-за герметика. А тетрадь, — он помедлил, — останется у меня. Я думаю, она ещё понадобится.

Архив технических актов находился на втором кольце, в самом конце коридора за прачечной, и о нём знали немногие. Дверь была обшарпанная, табличка с названием давно отвалилась и висела на одном шурупе. Дэниел постучал и вошёл, не дожидаясь ответа.

Внутри оказалась длинная комната с рядами металлических шкафов до самого потолка. В воздухе стоял запах бумаги и пыли, который он в этом городе встречал редко. За столом у окна сидела пожилая женщина в круглых очках и что-то писала. Она не подняла головы.

— Если вы насчёт справок на жильё, это на первом кольце.

— Я по техническим актам. Участок 9-Д.

— Ремонтный сектор. — Она подняла взгляд. У неё были внимательные светлые глаза, и смотрела она так, будто привыкла видеть насквозь. — Агата Ферри. Акты открыты для ремонтных звеньев, но копировать нельзя, только читать. Если хотите что-то записать, пишите рукой.

Она встала, подошла к одному из шкафов, без труда достала три папки и положила их на стол перед Дэниелом. Папки были тонкие, с аккуратными корешками.

— За четырнадцать месяцев. Ежемесячные акты технического состояния оболочки. Подписывает комиссия.

Дэниел открыл первую. Бланк был стандартный: название участка, дата, перечень замеров, итог. В графе «Износ материала, %» стояло: 7,0. Он перелистнул. Следующий месяц: 7,0. Следующий: 7,0.

Он открыл вторую папку, потом третью. Четырнадцать актов подряд, и в каждом, без единой десятой, одно и то же число.

— Не меняется, — сказал он.

— Не меняется, — спокойно подтвердила Агата Ферри и села обратно. — Если больше десяти процентов, по уставу нужно объявлять аварийный режим. Нормирование воздуха, переселение нижних секторов. Это дорого и неприятно. Поэтому в актах стоит семь.

— Но износ растёт. Всегда растёт.

— Конечно. — Она сняла очки и протёрла их краем рукава. — Я работаю с бумагами тридцать один год, молодой человек. В живой природе не бывает ровных чисел. Только в отчётах. Если вам говорят, что что-то не меняется четырнадцать месяцев, значит, это не измеряют, а переписывают.

Дэниел смотрел на неё, и холодок снова пробежал у него по спине, как в кабинете Кейна.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что вы спросили. Мало кто спрашивает. — Она надела очки и посмотрела на него через стёкла. — А месяц назад был человек, который тоже читал эти акты. Те же страницы. Задавал почти те же вопросы.

— Кто?

— Ремонтник, тихий, вежливый. Фамилия Уорд. Он просидел здесь два вечера, всё записывал в маленькую тетрадку. Потом ушёл. — Она замолчала. — Через неделю я услышала, что его арестовали.

Дэниел не нашёл, что сказать. Воздух в комнате показался ему густым и душным.

— Вы кому-нибудь об этом говорили?

— Меня никто не спрашивал. — Агата Ферри снова взяла ручку. — Я архивист. Моё дело хранить. Но если вам понадобится что-нибудь ещё, молодой человек, приходите. Только лучше в те часы, когда в коридоре никого нет.

К вечеру Дэниел вернулся в жилое кольцо, так и не придумав, что делать с тем, что узнал. Фотографии лежали на планшете, как чужие вещи, оставленные на хранение. Он понимал, что у него в руках теперь больше, чем было вчера: ночные допуски на мёртвого человека, чужие подписи под чужим именем, четырнадцать одинаковых актов. И он понимал, что не знает, кому это можно показать.

В коридоре у прачечной его ждала Мария.

Она стояла, прислонившись к стене, в серой куртке поверх формы, и смотрела на него так, как смотрят на человека, которого ждали слишком долго. Лицо у неё было бледным, глаза покраснели.

— Не здесь, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Пойдём.

Она провела его через узкий служебный проход в маленькую комнату без окон, где хранили бельё. Стеллажи с чистыми простынями тянулись вдоль стен, и воздух пах крахмалом и тёплой тканью. Мария закрыла дверь и повернула замок.

— Сегодня утром мне поручили оформить вещи Уорда, — сказала она тихо. — Положено. Всё, что при нём было, описывается и уничтожается. Одежда, личное. Ничего не должно оставаться.

— Я думал, он был босой.

— Босой. — Она кивнула. — Ботинки сняли заранее. Они лежали в мешке, в изоляторе. Я их проверяла и нашла вот это.

Мария сунула руку в карман куртки и достала маленький свёрток, завёрнутый в чистую тряпку. Развернула. Внутри лежала тонкая тетрадь размером с ладонь, в потёртой клеёнчатой обложке, с загнутыми уголками.

— В язычке левого ботинка, — сказала она. — Он вшил её под подкладку. Нитки были свежие. Значит, зашивал недавно, уже после ареста, в изоляторе. Иглу я ему сама приносила на прошлой неделе, он просил пуговицу пришить. — Она замолчала и сжала губы. — А я даже не спросила, зачем ему нитки.

Дэниел взял тетрадь. Страницы были исписаны мелким, ровным почерком, который он сразу узнал по пометкам на оболочке: так подписывают швы люди, привыкшие, что каждая цифра должна быть читаема в перчатках.

Первые страницы занимали замеры. Дата, участок, показание ручного датчика, оценка износа. 9-Д, четырнадцать месяцев назад: девять и восемь десятых процента. Потом десять и две. Десять и девять. Одиннадцать и пять. Цифры ползли вверх от месяца к месяцу, медленно, ровно, неумолимо. Последняя запись, сделанная три недели назад, показывала двенадцать и одну десятую.

Дэниел смотрел на неё долго. Двенадцать и одна. В актах стояло семь.

Это было больше десяти. Больше порога, после которого по уставу нужно было объявлять аварийный режим.

Ниже, на отдельной строке, Уорд писал: Комиссия указывает 7. Спросил у Рейнера, председателя. Сказал, перепроверит. Через два дня вызов в охрану. Рекомендовано не вмешиваться.

Ещё ниже, другим нажимом, будто он вернулся к странице позже: Ночные допуски на 9-Д. Мой номер, не мои выходы. Спросить у М., если решусь.

И в самом конце, последняя запись, торопливая, почти без пробелов: Срез на 9-Д идёт слева направо, нажим в начале, затем легче. Левша? Точно не износ. Если читаешь это, смотри не на швы, смотри, кто их открывает.

Дэниел закрыл тетрадь. Руки у него дрожали. Он вспомнил свои снимки: ровную линию, шедшую чуть наискось, слева направо. Один и тот же угол по всей длине.

— Он знал, — сказал он тихо. — Всё это время он знал.

— Он собирал, — ответила Мария. — Я думаю, надеялся передать кому-нибудь. Только не успел.

Она села на стопку простыней и закрыла лицо ладонями. Некоторое время она молчала. Дэниел стоял рядом и не знал, что сказать. Потом она заговорила, не отнимая рук:

— Той ночью, после тебя, к нему приходили.

— Кто?

— Кейн.

Дэниел замер.

— Сам. В одиннадцать вечера, без охраны. Меня попросили выйти, но дверь осталась приоткрытой, и я стояла в коридоре. — Мария опустила руки, и лицо её было мокрым. —

Говорили минут десять. Я слышала не всё. Кейн говорил тихо, спокойно, как у себя в кабинете. Один раз я услышала слово «признание». Один раз «семья». У Уорда семьи не было, ты понимаешь? Только мать в нижних секторах, она больная.

— Что он ответил?

— Не знаю. Он говорил ещё тише. А потом Кейн вышел, посмотрел на меня и сказал: «Спасибо, что присматриваете за ним». И ушёл.

Мария глубоко вздохнула.

— Когда я вошла, Уорд сидел на койке и смотрел на свои руки. Они тряслись. Я принесла воды, он выпил весь стакан и сказал: «Мне предложили жить».

В комнате стало очень тихо. Где-то за стеной тихо гудела стиральная машина.

— Он не согласился, — сказал Дэниел. Он вспомнил помост, колокол, спокойное лицо над люком и обрывок фразы. — Он хотел сказать это вслух. «Я не...»

— Я не соглашусь, — тихо закончила Мария. — Я думаю, да. — Она вытерла лицо рукавом. — Он мог бы жить, Дэниел. Ему предложили выход. А он отказался и пошёл вниз босиком.

Дэниел сел рядом на стопку простыней. Он держал в руках тетрадь, лёгкую, как письмо, и вдруг понял, что за последние два дня впервые по-настоящему ясно увидел то, что стояло за словами «поступил правильно» и «приходите на церемонию». Кейн приходил к нему не за тем, чтобы расспросить. Он пришёл посмотреть, что за человек нашёл срез, и можно ли его убедить так же, как не удалось убедить Уорда.

— Что ты будешь делать? — спросила Мария.

— Не знаю.

— Я тоже. — Она встала и расправила куртку. — Но я знаю одно. Я не могу это сжечь, как положено. И не могу молчать.

Она посмотрела на него долгим серьёзным взглядом.

— Если эту тетрадь найдут у тебя, тебе конец. Если найдут у меня, мне тоже. Спрячь её так, как он прятал. И никому не показывай, пока не поймёшь, кому можно.

Дэниел сунул тетрадь под подкладку комбинезона, у самой груди, и застегнул молнию до подбородка. Она лежала легко, но он чувствовал её каждым вдохом.

По жилому кольцу он шёл медленно, стараясь не прижимать руку к груди. Коридор был почти пуст: ночная смена уже ушла, а дневная легла. Лампы под потолком горели вполсилы, и тени на стенах стояли длинные и неподвижные. У плаката с надписью Сообщай о каждой трещине кто-то оставил на стене маленькое жирное пятно, и Дэниел, проходя мимо, невольно подумал, что трещин в этом городе слишком много, чтобы о каждой можно было сообщить.

У входа в свой модуль он остановился. Там, прислонившись плечом к стене, стояла женщина.

Он узнал её сразу, хотя видел всего раз: серая рабочая куртка, тёмные волосы, стянутые в узел, спокойное лицо без следа вчерашних слёз или чего-то похожего. Та самая, с церемонии. Она смотрела не на него, а на пятно у плаката, и когда заговорила, голос был тихим и ровным.

— Дэниел Хейз.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я вас видела. — Она наконец повернула голову. Глаза у неё были тёмные, внимательные, с тяжёлыми веками человека, который давно не высыпается. — Вчера, на площадке. Вы не отвели взгляд, когда его вели. Из всех ремонтников вы один.

— Многие не отвели.

— Многие закрыли глаза, — сказала она. — Или опустили. Я считала.

Она произнесла это без упрёка, как констатируют факт. Дэниел почувствовал, что ему неуютно под её взглядом, но уйти он не мог.

— Меня зовут Ханна Бек, — сказала она. — Я с нижних ярусов, жилой сектор шесть. Работаю на прачечной. Вы, наверное, видели меня раз сто и не заметили.

— Что вам нужно?

— Поговорить. Недолго. — Она оттолкнулась от стены и шагнула ближе, понизив голос. — Я знаю, что вы ходили к Уорду. Не спрашивайте откуда, в городе всё знают, просто молчат. Знаю и то, что на 14-С вы нашли что-то такое, о чём вас попросили не говорить.

Дэниел напрягся. Рука сама потянулась к застёжке на груди, и он заставил себя опустить её.

— Я ничего не...

— Не надо, — мягко остановила его Ханна. — Я не прошу рассказывать. Я хочу, чтобы вы послушали меня минуту.

Она помолчала, будто собираясь с мыслями, и на мгновение её лицо потеряло привычное спокойствие.

— В прошлом году в нашем секторе, на шестом ярусе, ночью упало давление. Одиннадцать человек. Среди них моя мать. Утром мне сказали, что это плановое обслуживание вентиляции, которое «выявило отклонения». Так и записали в акте. Одиннадцать человек, и нигде ни слова о том, что это была авария. — Она говорила ровно, без дрожи, и именно от этого её слова звучали страшнее. — Я потом искала. Смотрела акты, журналы, всё, что можно. Знаете, что нашла?

— Что?

— Что ничего нет. Ни одной настоящей цифры. Всё чисто, всё в норме. — Она слегка улыбнулась, и улыбка вышла горькой. — Такой город нельзя починить, если никто не признаёт, что он сломан.

Дэниел молчал. Всё, что она говорила, ложилось на то, что он сегодня узнал, слишком точно, чтобы это было совпадением. Тетрадь у груди вдруг стала тяжёлой.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что нас таких много. — Ханна произнесла это просто, без пафоса. — Тех, кто знает, что цифры врут. Ремонтники, мастерские, фермы. Мы собираемся иногда, в нижней мастерской, ничего особенного. Говорим, думаем, что делать дальше. Потому что те, кто наверху, не знают, как дышится внизу. А когда узнают, будет поздно.

Она достала из кармана сложенный вдвое листок и протянула ему. Дэниел заметил, что она сделала это левой рукой, но мысль мелькнула и пропала, заглушённая остальным.

— Четверг, после второй смены. Мастерская шесть, нижний ярус. Приходите один. Просто послушайте. Вы никому ничего не обязаны.

— А если я не приду?

— Тогда не придёте. — Ханна пожала плечами. — Я не стану вас искать. Но они вас найдут, Дэниел. Рано или поздно. Вы слишком много видели, чтобы остаться просто ремонтником. Они забрали Уорда. Следующим может быть любой из нас.

Она кивнула, словно прощалась с давним знакомым, повернулась и пошла по коридору, быстро и бесшумно, и скоро исчезла за поворотом.

Дэниел остался стоять с листком в руке. Потом он развернул его. Бумага была грубой, чуть влажной, и на ней карандашом, неровным почерком было написано: Четверг. М-6. Один.

В модуле было темно. Он залез на свою полку и долго лежал, глядя на жёлтое пятно над головой. Тетрадь Уорда лежала у него под рубашкой, фотографии из журнала допусков хранились в планшете, а в кармане комбинезона лежал листок с карандашной записью.

У него было три нити, и каждая вела в свою сторону. Мейер, Агата Ферри, Мария. Ханна. И где-то наверху, за мягким ковром и золотыми облаками, Виктор Кейн, который предлагал людям жизнь и сбрасывал тех, кто отказывался.

Дэниел знал только одно. В городе, где всё записывали и всё переписывали, кто-то решил оставить правду на бумаге: в потёртой тетради, в зелёной тетради диспетчера, в пыльной папке архива. Они не были заодно. Они просто не успели исчезнуть.

И теперь эта правда лежала у него на груди, и он не мог решить, кому её отдать.

Глава 4

Дэниел не спал почти до утра, и когда сирена наконец прозвучала, он уже стоял одетый у своей полки.

Тетрадь Уорда он спрятал ночью. В стене рядом с изголовьем был съёмный щиток, за которым зияла узкая пустота. Кто-то из прежних жильцов хранил там фляжку, потому что на дне до сих пор остался сладковатый запах спирта. Дэниел обернул тетрадь в тряпку, засунул в пустоту и вернул щиток на место. Потом долго смотрел на него, пытаясь понять, заметит ли чужой глаз, что краска вокруг стала чуть светлее.

Карту памяти с фотографиями журнала допусков он спрятал иначе: распорол шов на подошве левого ботинка, вложил её внутрь и зашил обратно грубой ниткой. Он понимал, как это выглядит. Он делал то же, что сделал Уорд, и от этого делалось не по себе.

В дверь постучали, когда он завязывал шнурки.

На пороге стоял Тобиас. Он был в рабочем комбинезоне, с подшлемником под мышкой и с лицом человека, который пришёл к какому-то решению и боится, что оно развалится по дороге.

— Одевайся, — сказал он. — Идём на девятый.

— Ты же сам сказал не выходить на оболочку.

— Я много чего сказал. — Тобиас посмотрел мимо него, на спящих соседей. — Мейер оформил допуск на осмотр шва после ремонта. Всё законно, звено Фрэнка просили проверить 14-С и соседние участки. Идём.

Дэниел не стал спрашивать, как бригадир уговорил диспетчера. Он взял шлем, проверил замки и пошёл за ним по пустому коридору, где только дежурные уборщики лениво возили тележки по серому полу.

В шлюзе у них проверили допуск, прогнали сквозь сканер и выпустили без вопросов. Красная лампа, шипение, зелёная. Люк открылся, и Дэниела обдало жёлтым светом.

Утро на высоте начиналось не с рассвета. Рассвета здесь не было. Облака просто становились светлее: из густых, медных они постепенно превращались в сливочные, и воздух между ними наполнялся мутным, рассеянным сиянием, которое шло отовсюду сразу. Тени у людей на обшивке получались размытыми и короткими. Дэниел всегда любил этот час, когда город ещё не набрал дневной силы и казался хрупким и почти живым.

Сегодня он не любил его.

Девятый участок находился на правом борту, у кормового газового отсека. Идти туда нужно было через перемычку, узкий мостик между двумя секциями оболочки, где ветер всегда дул сильнее, чем на открытом борту. Тобиас шёл первым, и Дэниел следил за его спиной, за тем, как бригадир переставляет страховку, как проверяет каждую скобу, как на третьем шаге чуть дольше обычного задерживает руку на тросе.

Посреди перемычки он остановился.

— Давай здесь, — сказал он по общему каналу, и голос в шлемофоне прозвучал глухо и странно. — Дальше нас могут слышать.

— Кто?

— Не знаю. Никто. Все. — Тобиас упёр ладонь в поручень и несколько секунд молчал. — Мне надо тебе кое-что рассказать, Дэниел. Я должен был рассказать три дня назад. Но я трус.

— Ты не...

— Дай договорить.

Он говорил медленно, глядя вперёд, на серую дугу оболочки, которая уходила вниз и терялась в облаках.

— Семь месяцев назад я нашёл срез на девятом. Ровный, чистый. Такой же, как у тебя на 14-С. Я не стал разбираться, сделал снимки и пошёл в охрану. К Рейсу. Всё по инструкции.

Дэниел молчал.

— Рейс выслушал, поблагодарил и отпустил. А через два дня пришёл ко мне сам. Вечером, в модуль, когда Лия была дома. Спокойный, вежливый, как врач. Сел на край полки, посмотрел на неё и сказал: «Бригадир, у вас дочь на гидропонике? Хорошая девочка. Квалификация у неё хорошая. Я слышал, в этом квартале будут пересматривать допуски на верхние фермы». — Тобиас на мгновение замолчал. — А потом добавил: «Рекомендовано не вмешиваться». И ушёл.

Ветер на перемычке набрал силу, и трос под руками дрогнул. Они оба машинально сжали скобы.

— Вот почему вы с Мейером... — начал Дэниел.

— Вот почему я сказал тебе молчать. — Тобиас кивнул, и Дэниел увидел только шлем, не лицо. — Я думал: если не трогать, всё само рассосётся. Рано или поздно найдут того, кто режет, и всё кончится. А когда арестовали Уорда, я подумал: ну вот, нашли.

Он остановился, и голос в наушниках вдруг стал совсем тихим.

— И я обрадовался, Дэниел. Понимаешь? Обрадовался. Что можно перестать бояться. Что кто-то другой ответит, а я больше не обязан думать. Я три месяца смотрел на этого парня в столовой и ни разу не спросил себя, мог ли он. Потому что мне так было удобнее.

Дэниел не знал, что ответить. Тобиас продолжал говорить, и в его словах не было ни оправданий, ни просьбы.

— Позавчера, когда он стоял над люком и посмотрел на нас, я понял. Он смотрел не на толпу. Он смотрел на тех, кто знал. На меня тоже. — Тобиас слабо усмехнулся. — Я стоял рядом с тобой и думал: вот человек, которого я отправил вниз своим молчанием.

— Ты не отправлял.

— Отправил. — Бригадир наконец повернулся. Стекло шлема отражало серое небо, и лица не было видно, только два тёмных пятна глаз. — Не словами. Просто не сказал нужных слов вовремя. Это то же самое.

Они стояли на перемычке, и ветер тянул их в сторону, а под ногами лежало жёлтое ничто. Дэниел медленно выдохнул.

— Зачем ты мне это говоришь сейчас?

— Потому что вчера вечером я пошёл к Мейеру. — Тобиас снова взялся за трос. — Он мне ничего не сказал, только оформил допуск и посмотрел так, будто мы оба знаем, куда я иду. И я понял, что ты уже копаешь. А я не могу больше стоять в стороне и смотреть, как ты копаешь один.

— Тобиас...

— Я не прошу тебя меня простить. Я просто иду с тобой. До конца, куда бы ни привело. — Он шагнул вперёд. — Пошли. Мы тут слишком долго стоим.

Участок 9-Д оказался длиннее, чем Дэниел помнил. Шов тянулся вдоль кормового газового отсека, огромной выпуклой стены, уходящей вверх, в серо-жёлтую дымку, и обшивка здесь была тоньше и темнее, чем на других участках. Место было неудобное: ветер тянул вдоль борта и с каждым порывом пытался оторвать от тросов. Дэниел шёл, цепляя карабины один за другим, и старался не смотреть вверх: газовое тело над головой всегда казалось ему чем-то слишком живым.

Тобиас остановился возле технической площадки, небольшой решётчатой платформы, прижатой к обшивке рядом с массивным ребром жёсткости.

— Здесь переждём, — сказал он. — Сегодня среда.

Дэниел сразу понял, о чём он. Он вспомнил строки в зелёной тетради: Техническая комиссия. Три человека. 40 мин.

Они присели за ребром жёсткости, откуда был виден почти весь участок, и стали ждать. Минуты тянулись медленно. Ветер гудел в обшивке, трос под рукой дрожал. Тобиас достал из подсумка флягу и протянул Дэниелу трубку, потом сам сделал глоток. Оба молчали.

Комиссия появилась без четверти девять.

Из дальнего шлюза вышла группа из пяти человек. Двое шли позади, в светло-серых скафандрах охраны, с короткими карабинами на плечах. Трое впереди были одеты иначе: в белые, почти без пятен костюмы с блестящими, до зеркальности отполированными шлемами. Дэниел ни разу не видел, чтобы скафандр так сверкал. На его собственном стекле шлема царапины копились годами.

— Рейнер, — тихо сказал Тобиас. — Высокий, с портфелем. Председатель.

Он был действительно высоким, чуть сутулым, и нёс в руке небольшой плоский кейс. Остальные двое шли чуть позади, и Дэниел заметил, что один из них держит в руках прибор: маленькую коробочку с экраном и тонким щупом на гибком проводе.

Они остановились в двадцати метрах от платформы, возле жёлтого креста, нарисованного краской на обшивке. Крест был аккуратным, ровным, и Дэниел догадался, что его подновляют каждую неделю.

Дальше происходило что-то странное.

Человек с прибором присел на корточки, положил коробочку на обшивку рядом с крестом и распрямился. Щуп остался лежать на материале, не вдавленный и не закреплённый. Второй достал из кармана планшет и что-то писал, поглядывая на небо. Рейнер стоял неподвижно, глядя куда-то в облака, и не обращал на них внимания. Охранники зевали.

Так прошло минут двенадцать. Потом человек с планшетом кивнул, и человек с прибором поднял его, свернул провод и сунул коробочку в карман. Рейнер повернулся и пошёл к шлюзу. Остальные потянулись за ним.

Всё это заняло ровно столько, сколько занимает короткий перекур.

— Они не измеряли, — тихо сказал Дэниел.

— Нет, — ответил Тобиас. Голос у него был ровный, но Дэниел видел, как под перчаткой побелели костяшки. — Они приходят, постоят и пишут то, что уже написано. Я это знал. Не видел, но знал.

Они дождались, пока белые скафандры исчезнут в шлюзе. Потом ждали ещё пять минут, пока ветер не стих. Только после этого Дэниел достал сканер.

Он подошёл к жёлтому кресту и опустился на колено. Материал здесь был такой же, как везде: серая многослойная обшивка, покрытая тонкой плёнкой налёта. Он приложил щуп сканера к центру креста и нажал кнопку.

Прибор пискнул. На экране побежали цифры, и через несколько секунд остановились.

Износ материала: 12,4%.

Дэниел смотрел на экран, и ему казалось, что воздух в шлеме стал плотнее. Двенадцать и четыре. В актах стояло семь. Через две недели комиссия напишет те же семь, а материал за это время потеряет ещё две десятых процента.

— Покажи, — хрипло сказал Тобиас.

Дэниел повернул экран. Бригадир смотрел на цифры долго, не двигаясь.

— По уставу, — произнёс он наконец, — больше десяти это аварийный режим.

— Я знаю.

— Девять лет, — сказал Тобиас тихо, и в этих словах Дэниел услышал то, чего никогда не слышал от него раньше: усталую, спокойную ярость. — Девять лет я работаю на этой обшивке. И никто ни разу мне не сказал.

Они простояли так почти минуту. Потом Тобиас резко выдохнул и встряхнул головой, будто сбрасывая с плеч тяжесть.

— Давай проверим остальное. Раз уж пришли.

Они пошли вдоль шва к корме, шаг за шагом, внимательно осматривая каждую скобу. Дэниел шёл первым и держал сканер наготове. Он больше не пытался делать вид, что просто чинит. Он искал.

Нашёл он через двадцать метров.

Сначала он даже не понял, на что смотрит. Что-то в рисунке обшивки показалось странным, как неверная нота в знакомой мелодии. Он остановился, наклонился и провёл перчаткой по материалу.

Срез.

Не такой, как на 14-С, не вчерашний и не недельный. Этот был совсем свежим. Края блестели чистым металлом, на них не было ни налёта, ни потёков, ни жёлтой пыли. Линия шла чуть наискось, слева направо, и в начале нажим был сильнее, к концу слабел. Тот же угол и тот же нажим.

— Тобиас.

Бригадир подошёл, присел рядом и долго молча смотрел. Потом достал из подсумка маленький пузырёк с реактивом, смочил кончик тампона и приложил к краю среза. Тампон остался чистым. Никакой реакции.

— Сутки, — сказал он наконец. — Может, чуть больше. Не двое суток точно.

Дэниел поднял на него глаза. Они оба думали об одном и том же.

— Уорда казнили позавчера утром, — тихо сказал Дэниел.

— Я знаю.

— Значит, это сделали после.

Тобиас ничего не ответил. Он смотрел на ровную блестящую линию, и по его лицу, едва видному за стеклом, прошла судорога.

— Они же его сбросили, — проговорил он едва слышно. — Они же его сбросили вниз за это. А тут...

Он замолчал. Дэниел достал планшет. Рука у него слегка дрожала, но он сумел навести камеру и сделать три снимка: общий, крупный и с линейкой. Тобиас смотрел на него и на этот раз не говорил ни слова.

— Снимай, — сказал он только. — Снимай всё.

Потом Дэниел заметил ещё одно. На самом краю среза, в узкой щели между слоями, лежал тонкий белесый налёт, почти незаметный на фоне серого материала. Он наклонился ближе. Это был не жёлтый налёт кислоты. Он был белый, мелкий, похожий на соль или на очень тонкий порошок.

— Что это? — спросил Тобиас.

— Не знаю.

Он достал из подсумка пустой герметичный контейнер, в котором обычно хранил образцы материала, осторожно соскрёб в него щепотку белого порошка и закрыл крышку. Потом сунул контейнер в карман, ближе к груди, туда, где лежала тетрадь.

— Это не кислота, — сказал он вслух. — Кислота так не выглядит. Кто-то нанёс что-то сверху. Чтобы шло быстрее.

Обратный путь они проделали молча. Ветер стих, облака потемнели, и тонкая серая пелена над головой становилась всё плотнее: к вечеру собиралась непогода. Дэниел шёл за Тобиасом, не отрывая взгляда от его спины, и чувствовал, как пузырёк в нагрудном кармане при каждом шаге слегка упирается в рёбра.

В шлюзовой камере было тесно. Красная лампа мигала над головой, шипели клапаны, но, когда внутренний люк распахнулся, Дэниел сразу понял, что что-то не так. Обычно здесь никого не бывало. Сегодня у стены стояли трое.

Лейтенант Орсон Рейс держал руки за спиной. Двое охранников позади него стояли чуть в стороне, спокойно, без оружия на виду. Они ждали.

— Господа ремонтники, — сказал Рейс. — Прошу прощения за беспокойство.

Голос его был ровным и вежливым. Дэниел медленно снял шлем и поставил его на скамью. Тобиас сделал то же самое. Руки у бригадира не дрожали, и Дэниел мысленно отдал ему должное.

— Лейтенант, — кивнул Тобиас.

— Вам был оформлен допуск на осмотр участка 14-С после ремонта. — Рейс чуть наклонил голову. — Не на девятый.

— В допуск включены сопредельные участки, — ответил Тобиас. — Мейер подтвердит.

— Включены. Конечно. — Рейс слегка улыбнулся, но в улыбке не было тепла. — Меня интересует не формальность. Меня интересует, зачем.

Дэниел чувствовал, как в груди медленно разгорается холод. Он заставил себя дышать ровно.

— Хотели проверить, не распространилось ли повреждение, — сказал он. — На соседних участках. Это обычная практика, если находишь срез такого рода.

— Обычная практика. — Рейс кивнул, будто принял ответ, но не поверил ему. — Покажите планшет.

Дэниел расстегнул ремешок на запястье и протянул устройство. Он знал, что на нём. Фотографии шва 14-С, которые лейтенант уже видел. Сегодняшние снимки участка 9-Д. Больше ничего. Вчера ночью, лёжа на полке, он стёр с планшета каждый снимок зелёной тетради и перенёс их на карту, которую зашил в подошву. Он делал это машинально и не думал, пригодится ли.

Рейс подключил планшет к своему устройству и несколько секунд молча листал. Дэниел наблюдал за его лицом. Оно оставалось спокойным и неподвижным, но на одном из снимков, самом первом, где была видна блестящая линия среза с тонким краем, Рейс задержался.

— Когда это снято?

— Сегодня. Час назад.

— Участок 9-Д, — медленно проговорил Рейс. — Сегодня.

Он поднял взгляд на Дэниела, потом на Тобиаса, потом снова на экран. И Дэниел впервые за всё время увидел в его лице что-то настоящее. Не страх, не гнев, а напряжённую мысль человека, который понимает, что только что получил очень неудобное доказательство.

— Это значит, — сказал Рейс медленно, — что у Уорда были сообщники.

— Или что он не виноват, — тихо сказал Дэниел.

В шлюзе стало очень тихо. Охранники за спиной лейтенанта переглянулись. Тобиас закрыл глаза.

— Осторожнее, Хейз, — сказал Рейс. Голос остался ровным, но стал холоднее. — Осторожнее с формулировками.

Он отсоединил планшет и вернул его.

— Копию я оставлю у себя. Для расследования. — Он помолчал, и когда заговорил снова, в голосе появилась странная мягкость, почти домашняя. — Три дня назад, вечером, вы были на втором кольце, в изоляторе. Записи с камер мне принесли только вчера.

Дэниел не шелохнулся.

— Я ходил к санитарке за мазью. У меня ожог на запястье, остался с прошлой недели.

— Конечно. — Рейс кивнул. — В смотровом коридоре в это время на четыре минуты оказалась открыта служебная дверь. Дежурный не отметил, кто проходил. Но камера у прачечной отметила вас. И санитарку Марию Сото.

Дэниел почувствовал, как холод внутри превращается в тяжесть. Он ничего не ответил.

— У неё хорошая характеристика, — продолжил Рейс спокойно. — Девять лет без нарушений. Тихая, исполнительная. Мне было бы жаль, если бы у неё появились проблемы из-за такой мелочи, как открытая дверь.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Конечно, не понимаете. — Лейтенант слегка улыбнулся. — Поэтому я не стану разбираться. Пока. Но я прошу вас запомнить: допуск на девятый участок без прямого разрешения охраны вам больше не оформят. И если вы решите пойти туда сами, это будет считаться нарушением.

Он кивнул охранникам, и те отступили от двери.

— Берегите себя, Хейз. Здесь сейчас неспокойно.

Они вышли в коридор. Дэниел шёл, чувствуя на затылке чужой взгляд, и не оборачивался. Лампы горели ровно, пол блестел, и всё вокруг было таким привычным, что от этого становилось тошно.

Тобиас остановился у поворота и привалился к стене. Лицо у него было серым.

— Он же знал, — сказал он глухо. — Он ждал нас у шлюза. Он знал, что мы пойдём на девятый.

— Кто-то ему сказал.

— Диспетчерская. — Тобиас закрыл глаза. — Мейер.

— Мейер бы не сказал.

— Откуда ты знаешь?

Дэниел вспомнил красные глаза над зелёной тетрадью и дрожащие руки, лежащие на обложке.

— Знаю.

Тобиас долго молчал. Потом открыл глаза и посмотрел на него очень внимательно, как смотрят на человека, которого пытаются понять заново.

— Что у тебя ещё есть, Дэниел?

И Дэниел, к собственному удивлению, не стал отвечать уклончиво.

— Тетрадь Уорда. Журнал допусков из диспетчерской, снимки. Пузырёк с чем-то белым, который я нашёл сегодня на срезе. И записка от женщины, которая зовёт на собрание в нижнюю мастерскую.

Он увидел, как лицо бригадира медленно меняется. Сначала в нём мелькнуло что-то вроде ужаса, потом усталость, потом то, чего Дэниел не ожидал: спокойное, тяжёлое решение.

— Какое собрание?

— Завтра. После второй смены. Мастерская шесть. Женщина по фамилии Бек.

— Ханна Бек. — Тобиас кивнул, словно слышал это имя. — С прачечной. Я слышал о ней. Говорят, она настоящая.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, — медленно сказал Тобиас, — что люди, которые говорят правду, не всегда хотят того же, чего хотим мы. Но это не значит, что они лгут.

Он оттолкнулся от стены и выпрямился.

— Я пойду с тобой.

— Тобиас, у тебя дочь...

— Я помню, что у меня дочь. — Он посмотрел на Дэниела прямо, и в его глазах не было ни прежнего страха, ни прежней растерянности. — Вот именно поэтому. Я не хочу, чтобы она выросла в городе, где молчание считается добродетелью.

Марию он нашёл только вечером, у входа в изолятор, когда закончилась её смена. Она выходила в серой куртке, с пустым узлом в руке, и когда увидела его, не удивилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.